

15 Kop

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДЕРМОНТОВА.

ТОМЪ ПЕРВОЙ.

INSTITUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

Tel. 26-68-63

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ.

<http://rcin.org.pl>

1. 25. 08. 08

24.088

1831.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ.
И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

*

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

*

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой*.

*

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

* Выпущенная авторомъ строфа:

Душа поселилась въ твореніи земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала, о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

1829—1834.

ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землею;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой, —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны

Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
 Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
 Счастливый первенецъ творенья, —
 Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
 И не грозилъ уму его*
 Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
 И много, много... и всего
 Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Давно отверженный, блуждалъ
 Въ пустынѣ міра безъ приюта**.
 Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
 Какъ за минутою минута,
 Однообразной чередой.
 Ничтожной властвуя землѣй,
 Онъ зѣялъ зло безъ наслажденья;
 Нигдѣ искусству своему
 Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
 И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
 Изгнанникъ рая пролеталъ.
 Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
 Свѣгами вѣчными сіялъ,
 И глубоко внизу чернѣя
 Какъ трещина, жилище змѣя,

* Въ другомъ спискѣ:

И не грозилъ душѣ его

** Въ другомъ спискѣ:

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
 Давно безъ дѣли и приюта.

Вился излучистый Дарьялъ,
 И Терекъ, прыгая какъ львица
 Съ косматою гривой на хребтѣ,
 Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
 Кружась въ лазурной высотѣ,
 Глаголу водъ его внимали,
 И золотыя облака
 Изъ южныхъ странъ, издалека,
 Его на сѣверъ провожали;
 И скалы тѣсною толпой,
 Таинственной дремоты полны,
 Надъ нимъ склонялись головой,
 Слѣдя мелькающія волны;
 И башни замковъ на скалахъ
 Смѣтрѣли грозно сквозь туманы: —
 У вратъ Кавказа на часахъ
 Сторожевые великаны!
 И дикъ, и чуженъ былъ вокругъ
 Весь Божій міръ, но гордый духъ
 Презрительнымъ окинулъ окомъ
 Твореніе Бога своего,
 И на челѣ его высокомъ
 Не отразилось ничего.

IV.

И передъ нимъ иной картины
 Красы живыя расцвѣли,
 Роскошной Грузіи долины
 Ковромъ раскинулись вдали.
 Счастливый, пышный край земли!
 Столпообразныя руины,
 Звонко-бѣгущіе ручьи
 По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
 И кущи розъ гдѣ соловьи
 Поютъ красавицъ безотвѣтныхъ
 На сладкій голосъ ихъ любви;

Чинарь развѣсистыя сѣни,
 Густымъ вѣчаныя плющемъ,
 Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
 Таятся робкіе олени,
 И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
 Стозвучный говоръ голосовъ,
 Дыханье тысячи растений,
 И полдня сладострастный зной,
 И ароматною росой
 Всегда увлажненыя ночи,
 И звѣзды яркія, какъ очи,
 Какъ взоръ грузинки молодой.
 Но, кромѣ зависти холодной,
 Природы блескъ не возбудилъ
 Въ груди изгнанника безплодной,
 Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ —
 И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
 Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

V.

Высокой домъ, широкій дворъ
 Сѣдой Гудаль себѣ построилъ...
 Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
 Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.
 Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
 Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
 Въ скалѣ нарублены ступени;
 Онѣ отъ башни угловой
 Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
 Покрыта бѣлою чадрой,
 Княжна Тамара молодая
 Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
 Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
 Но пиръ большой сегодня въ немъ.

Звучитъ зурна и льются вины:
 Гудаль сосваталъ дочь свою;
 На пиръ онъ созвалъ всю семью.
 На кровлѣ, устланной коврами,
 Сидитъ невѣста межъ подругъ;
 Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
 Проходить. Дальними горами
 Ужъ спрятанъ солнца полукругъ*.
 Въ ладони мѣрно ударяя,
 Онѣ поютъ, и бубенъ свой
 Беретъ невѣста молодая —
 И вотъ она, одной рукой
 Кружа его надъ головой,
 То вдругъ помчится легче птицы,
 То остановится — глядитъ,
 И влажный взоръ ея блеститъ
 Изъ-подъ завистливой рѣсницы:
 То черной бровью поведетъ,
 То вдругъ наклонится немножко,
 И по ковру скользитъ, плыветъ
 Ея божественная ножка,

* На этомъ стихѣ кончалась строфа и начинались слѣдующіе зачеркнутые стихи:

И вотъ невѣста молодая
 Беретъ свой бубенъ расписной.
 Въ ладони мѣрно ударяя,
 Запѣли всѣ; одной рукой
 Кружа его надъ головой,
 Увлечена летучей пляской,
 Она забыла міръ земной.
 Ея узорною повязкой
 Играетъ вѣтеръ, какъ волна.
 Нескромной душою полна,
 Грудь подымается высоко;
 Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;
 И жадной страсти полонъ взглядъ
 Какъ страсть палящей и глубокой.

И улыбается она,
 Веселья дѣтскаго полна.
 Но лучъ луны по влагѣ зыбкой
 Слегка играющей порой,
 Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
 Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
 Лучомъ заката и востока,
 Властитель Персїи златой
 И ни единый царь земной
 Не цаловаль такого ока;
 Гарема брызжущій фонтанъ
 Ни разу, жаркою порою,
 Своей жемчужною росой
 Не омываль подобный станъ*;
 Еще ни чья рука земная,
 По милому челу блуждая,
 Такихъ волосъ не расплела.
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ мїръ лишился рая,
 Клянусь, красавица такая
 Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала**
 Увы! завтра ожидала
 Ее, наслѣдницу Гудала,
 Свободы рѣзвое дитя,
 Судьба печальная рабыни,

* Не брызгаль на подобный станъ.

** Первыми десятью стихами этой строфы замѣнены сначала написанные слѣдующіе семь стиховъ:

Отчизна чуждая понинѣ,
 И незнакомая семья.
 И часто тайное сомнѣнье
 Темнило свѣтлыя черты;
 Но были всё ея движенья
 Такъ стройны, полны выраженья,
 Такъ полны милой простоты
 Что еслибъ Демонъ, пролетая,
 Въ то время на нее взглянулъ,
 То, прежнихъ братій вспоминая,
 Онъ отвергнулся бъ — и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье,
 Неизгяснимое волненье
 Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
 Нѣмой души его пустыню
 Наполнилъ благодатный звукъ,
 И вновь постигнулъ онъ святую
 Любви, добра и красоты.
 И долго сладостной картиной
 Онъ любовался — и мечты
 О прежнемъ счастьѣ цѣнью длинной,
 Какъ-будто за звѣздой звѣзда,
 Предъ нимъ катилися тогда,
 Прикованный незримой силой,

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
 Небесной родины людей,
 Величья прежняго остатокъ,
 Отливъ померкнувшихъ лучей.
 Въ ней было то полужемное,
 Чтб ищетъ сердце молодое
 Въ пылу заглохнувшей мечты.

Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
 Въ немъ чувство вдругъ заговорило
 Роднымъ когда-то языкомъ.
 То былъ ли признакъ возражденья?
 Онъ словъ коварныхъ искушенья
 Найти въ умѣ своемъ не могъ.
 Забыть? — забвенья не далъ Богъ,
 Да онъ и не вьздъ бы забвенья.

X.

Измучивъ добраго коня,
 На брачный пиръ, къ закату дня,
 Спѣшитъ женихъ нетерпѣливо.
 Арагвы свѣтлой онъ счастливо
 Достигъ зеленыхъ береговъ.
 Подъ тяжкой ношею даровъ
 Едва-едва переступая,
 За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
 Дорогой тянется, мелькая:
 Ихъ колокольчики звенятъ...
 Онъ самъ, властитель Синодала,
 Ведетъ богатый караванъ.
 Ремнемъ затянуть ловкій станъ;
 Оправа сабли и кинжала
 Блеститъ на солнцѣ; за спиной
 Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
 Играетъ вѣтеръ рукавами
 Его чухи; кругомъ она
 Вся галуномъ обложена.
 Цвѣтными вышиты шелками
 Его сѣдло, узда съ кистями;
 Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
 Безцѣнной масти золотой.

* Точки въ рукописи.

Питомецъ рѣзвый Карабаха,
 Придетъ ушми и, полный страха,
 Храпя, косится съ крутизны
 На пѣну скачущей волны.
 Опасень, узокъ путь прибрежный:
 Утесы съ лѣвой стороны,
 Направо глубь рѣки мятежной.
 Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
 Румянецъ, гаснетъ, всталъ туманъ...
 Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
 Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
 Какой-то князь, теперь святой,
 Убитый мстительной рукой.
 Съ-тѣхъ-поръ, на праздникъ, иль на битву,
 Куда бы путникъ ни снѣшилъ,
 Всегда усердную молитву
 Онъ у часовни приносилъ;
 И та молитва сберегала
 Отъ мусульманскаго кинжала,
 Но презрѣлъ молодой женихъ
 Обычай праѣдовъ своихъ; —
 Его коварною мечтою
 Лукавый Демонъ возмущалъ:
 Онъ въ мысляхъ подъ ночью тьмою
 Уста невѣсти цаловалъ...
 Вдругъ впереди мелькнули двое,
 И больше... Выстрѣлъ... Что такое?
 Привставъ на звонкихъ стременахъ,
 Надвинувъ на брови папахъ,
 Отважный князь не молвилъ слова;
 Въ рукѣ свергнулъ турецкій стволъ,
 Нагайка щелкъ — и какъ орелъ
 Онъ кинулся — и выстрѣлъ снова.

И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе Грузины!

XII.

И стихло все. Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ; порой
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоємъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты длинными чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За-то усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнѣтъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Хранить и рвется будто съ брани,
То вдругъ осадитъ на скаку,

Прислушается къ вѣтерку,
 Широко поздри раздувая;
 То разомъ въ землю ударяя
 Шипами звонкими копытъ,
 Взмахнувъ растрепанною гривой,
 Впередъ безъ памяти летитъ.
 На немъ есть всадникъ молчаливый;
 Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
 Прижавъ на гриву головой.
 Ужъ онъ не правитъ поводами,
 Задвинувъ ноги въ стремяна, —
 И кровь широкими струями
 На чепракъ его видна.
 Скакунъ лихой, ты господина
 Изъ боя вынесъ какъ стрѣла,
 Но злая пуля осетина
 Его во мракъ догнала!

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачь и стоны,
 Толпится на дворѣ народъ:
 Чей конь примчался запаленный,
 И палъ на камни у воротъ?
 Кто этотъ всадникъ бездыханный?
 Хранили слѣдъ тревоги бранной
 Морщины смуглаго чела.
 Въ крови оружіе и платье;
 Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатѣ
 Рука на гривѣ замерла.
 Недолго жениха младова,
 Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
 Сдержалъ онъ княжеское слово:
 На брачный пиръ онъ прискакалъ...
 Увы! но никогда ужъ снова
 Не сядетъ на коня лихова!..

XV.

На беззаботную семью
 Какъ громъ слетѣла Божья кара!
 Упала на постель свою,
 Рыдаетъ бѣдная Тамара;
 Слеза катится за слезой,
 Грудь высоко и трудно дышитъ...
 И вотъ она какъ-будто слышитъ.
 Волшебный голосъ надъ собой:
 „Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
 Твоя слеза на трупъ безгласный
 Живой росой не упадетъ;
 Она лишь взоръ туманитъ ясный,
 Ланиты дѣвственныя жжетъ!
 Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
 Не оцѣнитъ тоски твоей;
 Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ,
 Безплотный взоръ его очей;
 Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
 Что жизни мелочные сны,
 И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
 Для гостя райской стороны?
 Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
 Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
 Не стоитъ одного мгновенья
 Твоей печали дорогой.“

„На воздушномъ океанѣ,
 Безъ руля и безъ вѣтриль,
 Тихо плаваютъ въ туманѣ
 Хоры стройныя свѣтиль.
 Средь полей необозримыхъ
 Въ небѣ ходятъ безъ слѣда,
 Облаковъ неуловимыхъ
 Волокнистыя стада.

Часть разлуки, часть свиданья —

Имъ не радость, не печаль;
 Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
 И прошедшаго не жаль.
 Въ день томительный несчастья
 Ты о нихъ лишь вспомнани,
 Будь къ земному безъ участья
 И безпечна, какъ они!“

„Лишь только ночь своимъ покровомъ
 Верхи Кавказа осянннть,
 Лишь только мнръ волшебнымъ словомъ
 Завороженный, замолчнть;
 Лишь только вѣтеръ надъ скалою
 Увявшей шевельнетъ травою,
 И птичка, спрятанная въ ней,
 Порхнетъ во мракъ веселнй;
 И подъ лозою виноградной,
 Росу небесъ глотая жадно,
 Цвѣтокъ распухнетъ ночью;
 Лишь только мѣсяцъ золотой
 Изъ-за горы тихонько встанетъ
 И на тебя украдкой взглянетъ —
 Къ тебѣ я стану прилетать,
 Гостить я буду до денницы,
 И на шелковыя рѣсницы
 Сны золотые навѣвать...“

XVI.

Слова умолкли; въ отдаленнн,
 Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
 Она вскочивъ, гляднтъ вокругъ...
 Невыразимое смятенье
 Въ ея груди; печаль, испугъ,
 Восторга пылъ — ничто въ сравненнн;
 Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
 Душа рвала свои оковы.
 Огонь по жиламъ пробѣгалъ,

И этот голосъ чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью,
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангель-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу, видишь эти слезы?
Уже не первыя они*.
Не буду я ни чьей женою —
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взять сырой землею —
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня смущаетъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ**;

* Потомъ написаны были слѣдующіе:

Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
Не мало въ Грузіи невѣстъ!
А мнѣ не быть ни чьей женою...
О, не брани отецъ, меня!
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну — жертва злой отравы!
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну — сжался надо мной!

Они замѣнены, какъ напечатано въ текстѣ.

** Молиться днемъ душа не можетъ.

Мысль далеко отъ звука словъ;
 Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
 Я сохну, вяну день отъ дня.
 Отецъ! душа моя страдаетъ...
 Отецъ мой, пощади меня!
 Отдай въ священную обитель
 Дочь безразсудную свою:
 Тамъ защититъ меня Спаситель,
 Предъ нимъ тоску мою пролью.
 На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
 Святыни миромъ осѣня,
 Пусть приметъ сумрачная келья,
 Какъ гробъ, заранѣе меня.“

II

И въ монастырь уединенный
 Ее родные отвезли,
 И власяницею смиренной
 Грудь молодую облекли.
 Но и въ монашеской одеждѣ,
 Какъ подъ узорною парчой,
 Все незаконною мечтой
 Въ ней сердце билось, какъ прежде.
 Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
 Въ часы торжественнаго пѣнья,
 Знакомая, среди моленья,
 Ей часто слышалася рѣчь.
 Подъ сводомъ сумрачнаго храма
 Знакомый образъ иногда
 Скользилъ безъ звука и слѣда;
 Въ туманѣ легкомъ еиміама
 Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
 Манилъ и звалъ онъ... но куда?

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
 Таился монастырь святой.
 Чинарь и тополей рядами,
 Онъ окруженъ былъ — и порой,
 Когда ложилась ночь въ ущельи,
 Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
 Лампада схимницы молодой.
 Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
 Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
 Безмолвныхъ сторожей гробницъ
 Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
 По камнямъ прыгали, шумѣли
 Ключи студеною волной,
 И подъ нависшею скалой,
 Сливаясь дружески въ ущельи,
 Катились дальше межъ кустовъ,
 Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы.
 При блескѣ утренней авроры,
 Когда синѣющій дымокъ
 Курится въ глубинѣ долины,
 И, обращаясь на востокъ,
 Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
 И звучный колокола гласъ
 Дрожитъ, обитель пробуждая;
 Въ торжественный и мирный часъ.
 Когда грузинка молодая
 Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
 Съ горы спускается крутой, —
 Вершины цѣпи синѣвой.

Свѣтло-лиловою стѣной,
 На чистомъ небѣ рисовались;
 А въ часъ заката одѣвались
 Онѣ румяной пеленой.
 И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
 Стоялъ всѣхъ выше головой,
 Казбекъ, Кавказа царь могучій,
 Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно душою преступной,
 Тамара сердце недоступно
 Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
 Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
 И все ей въ немъ — предлогъ мученью,
 И утра лучъ, и мракъ ночей.
 Бывало, только ночи сонной
 Прохлада землю обойметъ,
 Передъ божественной иконой
 Она въ безумьи упадетъ
 И плачетъ; и въ ночномъ молчаньи
 Ея тяжелое рыданье
 Тревожитъ путника вниманье*
 И мыслить онъ: „То горный духъ
 Прикованный въ пещерѣ стонетъ!“

* И трель живую соловья
 Сквозь шумъ далекаго ручья.
 Порою, разбросавъ на плечи
 Волну кудрей своихъ, она
 Стоитъ безъ мысли, холодна,
 И страстныя лепечуть рѣчи
 Ея дрожація уста
 Желанье грудь ея волнуетъ,
 И чудный призракъ ей рисуетъ,
 Предъ нею въ сумракѣ мечты!

И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонить...

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ
И смотритъ въ даль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: „онъ придетъ!“
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна —
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Пылаютъ грудь ея и плечи*,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятая жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...

.. **

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.

* Въмѣсто стиха

Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи.

** Точки въ рукописи

Привычкѣ сладостной послушный,
 Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
 Но долго, долго онъ не смѣлъ
 Святыню мирнаго пріюта
 Нарушить. — И была минута,
 Когда, казалось, онъ готовъ
 Оставить умысль жестокой.
 Задумчивъ, у стѣны высокой
 Онъ бродить; отъ его шаговъ
 Безъ вѣтра листь въ тѣни трепещеть.
 Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
 Озарено лампадой, блещеть;
 Кого-то ждетъ она давно.
 И вотъ средь общаго молчанья
 Чингара стройное бряцае
 И звуки пѣсни раздались;
 И звуки тѣ лились, лились,
 Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ;
 И эта пѣснь была нѣжна,
 Какъ будто для земли она
 Была на небѣ сложена.
 Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ
 Вновь повидаться захотѣлъ,
 Сюда украдкою слетѣлъ,
 И о быломъ ему пропѣлъ,
 Чтобъ усладить его мученье?...
 Тоску любви, ея волненье
 Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
 Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться, —
 Его крыло не шевелится!
 И чудо! изъ померкшихъ глазъ
 Слеза тяжелая катится...
 Понынѣ воздѣ кельи той
 Насквозь прожженный видѣнъ камень,
 Слезою жаркою, какъ пламень,
 Не человѣческой слезой!...

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
 Съ душой открытой для добра;
 И мыслить онъ, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепеть ожиданья,
 Страхъ неизвѣстности нѣмой.
 Какъ-будто въ первое свиданье,
 Спознались съ гордою душой;
 То было злое предвѣщанье.
 Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
 Посланникъ рай — херувимъ,
 Хранитель грѣшницы прекрасной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
 И отъ врага съ улыбкой ясной
 Приосѣнилъ ее крыломъ...
 И лучъ божественнаго свѣта
 Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
 И вмѣсто сладкаго привѣта
 Раздался тягостный укоръ;

IX.

„Духъ безпокойный, духъ порочный,
 „Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
 „Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
 „Зло не дышало здѣсь понинѣ!
 „Къ моей любви, къ моей святынѣ
 „Не пролагай преступный слѣдъ!
 „Кто звалъ тебя?“

Ему въ отвѣтъ
 Злой духъ коварно усмѣхнулся;
 Зардѣлся ревностію взглядъ,

И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.

„Она моя“, сказалъ онъ грозно,

„Оставь ее, она моя!

„Явился ты, защитникъ, поздно,

„И ей, какъ мнѣ, ты не судья.

„На сердце, полное гордыни,

„Я наложилъ печать мою;

„Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;

„Здѣсь я владѣю и люблю!“ —

И ангелъ грустными очами

На жертву бѣдную взглянулъ

И, медленно взмахнувъ крылами,

Въ эфирѣ неба погонулъ...

.....*

X.

ТАМАРА.

О, кто ты? рѣчь твоя опасна!**

Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?

Чего ты хочешь?

ДЕМОНЪ.

Ты прекрасна!

ТАМАРА.

Но молви, кто ты?... отвѣчай!*

* Точки въ рукописи.

** ужасна

*** Но кто ты, кто ты?... отвѣчай!

ДЕМОНЪ.

Я тотъ, которому внимала
 Ты въ полуночной тишинѣ,
 Чья мысль душѣ твоей шептала,
 Чью грусть ты смутно отгадала,
 Чей образъ видѣла во снѣ
 Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
 Едва надежда расцвѣтетъ;
 Я тотъ, кого никто не любитъ,
 И все живущее клянеть.
 Ничто пространство мнѣ и годы;
 Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
 Я царь познанья и свободы,
 Я врагъ небесъ, я зло природы,
 И видишь — я у ногъ твоихъ!
 Тебѣ принесъ я въ умиленьи
 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье
 И слезы первыя мои.
 О, выслушай изъ сожалѣнья!
 Меня добру и небесамъ
 Ты возвратить могла бы словомъ;
 Твоей любви святымъ покровомъ
 Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
 Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ.
 О! только выслушай, молю,
 Я рабъ твой, я тебя люблю!
 Лишь только я тебя увидѣлъ* —

* Въмѣсто этихъ семи стиховъ прежде были слѣдующіе:

Когда я въ первый разъ увидѣлъ
 Твой чудный, твой волшебный взоръ,
 Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
 Мою свободу, какъ позоръ.
 Своею властью недовольный,
 Я позавидовалъ невольно
 Непопулярнымъ радостямъ людей

И тайно вдругъ возненавидѣлъ
 Безсмертіе и власть мою.
 Я позавидовалъ невольно.
 Неполной радости земной;
 Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
 И страшно — розно жить съ тобой.
 Въ безкровномъ сердцѣ лучъ неожиданный
 Опять затеплился живѣй,
 И грусть на днѣ старинной раны
 Зашевелилася какъ змѣй.
 Что, безъ тебя, мнѣ эта вѣчность?
 Моихъ владѣній безконечность? —
 Пустыя, звучныя слова,
 Обширный храмъ безъ божества!

ТАМАРА.

Оставь меня, о духъ лукавый!
 Молчи, не вѣрю я врагу!
 Творецъ!... увы, я не могу
 Молиться: гибельной отравой
 Мой умъ слабѣющій объять.
 Послушай, ты меня погубишь;
 Твои слова — огонь и ядь...
 Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

ДЕМОНЪ.

Зачѣмъ, красавица? Увы!
 Не знаю; полонъ жизни новой,
 Съ моей преступной головы
 Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
 Я все бывшее бросилъ въ прахъ;
 Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
 Люблю тебя не здѣшней страстью,
 Какъ полюбить не можешь ты:

Всѣмъ упоенемъ, всею властью
 Безсмертной мысли и мечты.
 Въ душѣ моей съ начала міра
 Твой образъ былъ напечатленъ,
 Передо мной носился онъ
 Въ пустыняхъ вѣчнаго зѳира.
 Давно тревожа мысль мою,
 Миѣ имя сладкое звучало;
 Во дни блаженства миѣ въ раю
 Одной тебя недоставало.
 О! если бъ ты могла понять,
 Какое горькое томленье
 Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья
 И наслаждаться и страдать,
 За зло похвалъ не ожидать,
 Ни за добро — вознагражденья;
 Жить для себя, скучать собой,
 И этой вѣчною борьбой
 Безъ торжества, безъ примиренья!
 Всегда жалѣть, и не желать,
 Все знать, все чувствовать, все видѣть
 Все, противъ воли, ненавидѣть*,
 И все на свѣтѣ презирать!...
 Лишь только Божіе проклятье
 Исполнилось, съ того же дня
 Природы жаркія объятья
 На вѣкъ остыли для меня...
 Синѣло предо мной пространство,
 Я видѣлъ брачное убранство
 Свѣтиль знакомыхъ миѣ давно...
 Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
 Но что же? — прежняго собрата
 Не узнавало ни одно!
 Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
 Я звать въ отчаяніи сталъ,
 Но словъ и лицъ, и взоровъ злобныхъ,

* Стараться все познанаидѣть

Увы! я самъ не узнавалъ.
 И въ страхѣ, я, взмахнувъ крылами,
 Помчался... Но куда? зачѣмъ? —
 Не знаю. Прежними друзьями
 Я былъ отвергнуть; какъ эдемъ
 Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
 По вольной прихоти теченья,
 Такъ поврежденная ладья
 Безъ парусовъ и безъ руля
 Плыветъ, не зная назначенья;
 Такъ ранней утренней порой,
 Отрывокъ тучи громовой
 Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
 Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
 Летитъ безъ цѣли и слѣда,
 Богъ вѣсть, откуда и куда!
 Но я людьми не долго правилъ,
 Грѣху не долго ихъ училъ,
 Все благородное безславилъ
 И все прекрасное хулилъ,
 Не долго... Пламень чистой вѣры
 Легко на вѣкъ я залилъ въ нихъ...
 А стоили ль трудовъ моихъ
 Одни глупцы, да лицемѣры?
 И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
 И сталъ бродить, какъ метеоръ,
 Во мракѣ полночи глубокой.
 И мчался путникъ одинокій,
 Обмануть близкимъ огонькомъ,
 И въ бездну падая съ конемъ
 Напрасно звалъ — и слѣдъ кровавый
 За нимъ вился по крутизнѣ...
 Но злобы мрачныя забавы
 Не долго правилися мнѣ*.

* Здѣсь вычеркнуты слѣдующіе шесть стиховъ:

Какъ часто на вершинѣ льдистой
 Одишь, межъ небомъ и землей,

Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
 Какъ часто подымая прахъ,
 Одѣтый молнѣй и туманомъ,
 Я шумно мчался въ облакахъ,
 Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
 Сердечный ропотъ заглушить,
 Спаситься отъ думы неизбежной
 И незабвенное забыть!
 Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
 Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
 Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
 Передъ минутою одной
 Моихъ непризнанныхъ мученій?
 Что люди? что ихъ жизнь и трудъ?
 Они прошли, они пройдутъ!
 Надежда есть: ждетъ правый судъ;
 Простить онъ можетъ, хоть осудить!
 Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ
 И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
 И не вздремнуть въ могилѣ ей!
 Она, то ластится какъ змѣй;
 То жжетъ и блещетъ будто пламень,
 То давитъ мысль мою какъ камень —
 Надеждъ погибшихъ * и страстей
 Несокрушимый мавзолей!

ТАМАРА.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
 Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
 Ты согрѣшилъ...

Подъ кровомъ радуги огнистой,
 Сидѣлъ я, мрачный и нѣмой,
 И бѣлогривыя мятели,
 Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли.

* Мечтаній предъшхъ

ДЕМОНЪ.

Противъ тебя ли?

ТАМАРА.

Насъ могутъ слышать...

ДЕМОНЪ.

Мы одни.

ТАМАРА.

А Богъ?

ДЕМОНЪ.

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!

ТАМАРА.

А наказанье? муки ада?

ДЕМОНЪ.

Такъ что жъ? ты будешь тамъ со мной!

ТАМАРА.

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой на вѣки погубя,
Невольню я съ отрадой тайной,

Страдалецъ, слушаю тебя.
 Но если рѣчь твоя лукава,
 Но если ты, обманъ тая...
 О! пощади!.. Какая слава!
 На что тебѣ душа моя?
 Ужели небу я дороже
 Всѣхъ назамѣченныхъ тобой?
 Онѣ, увы! прекрасны тоже;
 Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
 Не смято смертною рукой!...
 Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
 Скажи, — ты видишь: я тоскую,
 Ты видишь женскія мечты!
 Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
 Но ты все понялъ, ты все знаешь
 И сжалишься, конечно ты!
 Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
 Отречься нынѣ дай обѣтъ!
 Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
 Ненарушимыхъ больше нѣтъ?

ДЕМОНЪ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
 Клянусь его послѣднимъ днемъ,
 Клянусь позоромъ преступленья
 И вѣчной правды торжествомъ;
 Клянусь паденья горькой мукой,
 Побѣды кроткою мечтой,
 Клянусь свиданіемъ съ тобой
 И вновь грозящею разлукой;
 Клянуся сонмищемъ духовъ,
 Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
 Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
 Моихъ недремлющихъ враговъ;
 Клянуся небомъ я и адомъ,
 Земной святницей и тобой;

Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
 Твоею первою слезой,
 Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
 Волною шелковыхъ кудрей;
 Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
 Клянусь любовію моею, —
 Отрекся я отъ старой мести,
 Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
 Отнынѣ ядъ коварной лести
 Ни чей ужъ не встревожитъ умъ;
 Хочу я съ небомъ примириться,
 Хочу любить, хочу молиться,
 Хочу я вѣровать добру.
 Слезой раскаянья сотру
 Я на челѣ, тебя достойномъ,
 Слѣды небеснаго огня;
 И мръ въ невѣдѣнья спокойномъ
 Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
 О! вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
 Тебя постигъ и оцѣнилъ.
 Избравъ тебя моею святыней,
 Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
 Твоей любви я жду какъ дара,
 И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
 Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
 Я неизмѣненъ и великъ.
 Тебя, я вольный сынъ эмира,
 Возьму въ надзвѣздные края,
 И будешь ты царицей міра,
 Подруга первая моя;
 Безъ сожалѣнья, безъ участя
 Смотрѣть на землю станешь ты,
 Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья
 Ни долговѣчной красоты,
 Гдѣ преступленья лишь, да казни,
 Гдѣ страсти мелкой только жить;
 Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
 Ни ненавидѣть, ни любить.

Иль ты не знаешь, что такое
 Людей минутная любовь? —
 Волненье крови молодое! —
 Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.
 Кто устоитъ противъ разлуки,
 Соблазна новой красоты,
 Противъ усталости и скуки,
 И своеправія мечты?
 Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ,
 Узнай, назначено судьбой
 Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
 Ревнивой грубости рабой,
 Средь малодушныхъ и холодныхъ,
 Друзей притворныхъ и враговъ,
 Боязней и надеждъ бесплодныхъ,
 Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
 Печально за стѣной высокой
 Ты не угаснешь безъ страстей,
 Среди молитвъ, равно далеко
 Отъ божества и отъ людей.
 О, нѣтъ! прекрасное созданье,
 Къ иному ты присуждена;
 Тебя иное ждетъ страданье,
 Иныхъ восторговъ глубина!
 Оставь же прежнія желанья
 И жалкій свѣтъ его судьбѣ;
 Пучину гордаго познанья
 Въ замѣнъ открою я тебѣ.
 Толпу духовъ моихъ служебныхъ
 Я приведу къ твоимъ стопамъ;
 Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
 Тебѣ, красавица, я дамъ;
 И для тебя съ звѣзды восточной
 Сорву вѣнецъ я золотой,
 Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
 Его усыплю той росой;
 Лучомъ румянаго заката
 Твой стань, какъ лоподъ, ободью;

Дыханьемъ чистымъ аромата
 Окрестный воздухъ напою
 Всечасно дивною игрою
 Твой слухъ лелѣять буду я;
 Чертоги пышные построю
 Изъ бирюзы и янтара;
 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дамъ тебѣ все, все земное —
 Люби меня!...

XI

— И онъ слегка

Коснулся жаркими устами
 Къ ея трепещущимъ губамъ;
 Соблазна полными рѣчами
 Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
 Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
 Онъ жегъ ее. — Во мракѣ ночи
 Предъ нею прямо онъ сверкалъ
 Неотразимый, какъ кинжалъ.
 Увы! злой духъ торжествовалъ!
 Смертельный ядъ его лобзанья
 Мгновенно въ грудь ея проникъ...
 Мучительный, ужасный крикъ
 Ночное возмутилъ молчанье...
 Въ немъ было все; любовь, страданье,
 Упрекъ съ послѣднею мольбой,
 И безнадежное прощанье —
 Прощанье съ жизнью молодой...

. *

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
 Одинъ вокругъ стѣны крутой,
 Свершая тихо путь урочный,
 Бродилъ съ чугуною доской,
 И возлѣ кельи дѣвы юной
 Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
 И руку надъ доской чугуной,
 Смутьясь душой, остановилъ.
 И сквозь окрестное молчанье,
 Ему казалось, слышалъ онъ
 Двугъ устъ согласное лобзанье,
 Минутный крикъ и слабый стонъ.
 И нечестивое сомнѣнье
 Проникло въ сердце старика...
 Но пронеслось еще мгновенье —
 И стихло все; издалека
 Лишь дуновенье вѣтерка
 Роптанье листьевъ приносило,
 Да съ темнымъ берегомъ уныло
 Шепталась горная рѣка.
 Канонъ угодника святаго
 Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
 Чтобъ навожденье духа злаго
 Отъ грѣшной мысли отогнать;
 Крестить дрожащими перстами
 Мечтой взволнованную грудь,
 И молча, скорыми шагами
 Обычный продолжаетъ путь.

XIII.

Какъ пери слящая мила,
 Она въ гробу своемъ лежала:

* Точки въ рукописи.

Бѣлѣй и чище покрывала
 Былъ томный цвѣтъ ея чела.
 Навѣкъ опущены рѣсницы...
 Но кто бѣ, о небо! не сказалъ,
 Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
 И, чудный, только ожидалъ
 Иль поцалуя, иль денницы?
 Но бесполезно лучъ дневной
 Скользилъ по нимъ струей златой;
 Напрасно ихъ въ нѣмой печали
 Уста родныя цаловали, —
 Нѣтъ, смерти вѣчную печать
 Ничто не въ силахъ ужъ сорвать! *

* По другой рукописи (1831 г.) это мѣсто читается такъ :

Ни разу не былъ въ дни веселья
 Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
 Тамары праздничный нарядъ.
 Цвѣты родимаго ущелья
 (Такъ древній требуютъ обрядъ)
 Надъ нею льютъ свой ароматъ.
 И сжаты мертвою рукою,
 Какъ-бы прощаются съ землею!
 И ничего въ ея лицѣ
 Не намекало о концѣ
 Въ пылу страстей и уноснѣя;
 И были всѣ ея черты
 Исполнены той красоты,
 Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
 Лишенной чувства и ума,
 Тайственной, какъ смерть сама.
 Улыбка странная застыла,
 Мелькнувши по ея устамъ.
 О многомъ грустномъ говорила
 Она внимательнымъ глазамъ;
 Въ ней было хладное презрѣнье
 Души готовой отвѣсти.

И все, гдѣ пылкой жизни сила
 Такъ внятно чувствамъ говорила, —
 Теперь одинъ ничтожный прахъ.
 Улыбка странная застыла,
 Едва мелькнувши на устахъ,
 Но темень, какъ сама могила,
 Печальный смыслъ улыбки той.
 Чтѣ въ ней? — насмѣшка ль надъ судьбой,
 Непобѣдимое ль сомнѣнье,
 Иль къ жизни хладное презрѣнье,
 Иль съ небомъ гордая вражда?
 Какъ знать; для свѣта навсегда
 Утрачено ея значенье!
 Она невольно манитъ взоръ,
 Какъ древней надписи узоръ,
 Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
 Таится повѣсть древнихъ лѣтъ —
 Символь премудрости туманной,
 Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
 И долго бѣдной жертвы тлѣнья
 Не трогаль ангель разрушенья;

Последнеу мысли выраженье,
 Землѣ беззвучное прости.
 Напрасный отблескъ жизни прежней,
 Она была еще мертвѣй,
 Еще для сердца безнадежнѣй
 На вѣкъ угаснувшихъ очей.
 Такъ въ часъ торжественный заката,
 Когда, растая въ морѣ злата,
 Ужъ скрылась колесница дня,
 Снѣга Кавказа, на мгновенье
 Отливъ пурпурный сохраняя,
 Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ.
 Но этотъ лучъ полуживой
 Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
 И путь ни чей онъ не освѣтитъ
 Съ своей вершины ледяной!

И были всё ея черты
 Исполнены той красоты,
 Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
 Лишенной чувства и ума,
 Таинственной, какъ смерть сама.
 Ни разу не быть въ дни веселья,
 Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
 Тамары праздничный нарядъ:
 Цвѣты родимаго ущелья
 (Такъ древній требуетъ обрядъ)
 Надъ нею льютъ свой ароматъ,
 И, сжаты мертвою рукою,
 Какъ-бы прощаются съ землею

XIV.

Голной сосѣди и родные
 Ужъ собрались въ печальный путь,
 Терзая локоны сѣдые,
 Безмольно поражая грудь,
 Въ послѣдній разъ Гудаль садится
 На бѣлогриваго коня —
 И поѣздъ тронулся. — Три дня,
 Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
 Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
 Приютъ покойный вырыть ей.
 Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
 Грабитель странниковъ и сель,
 Когда болѣзнь его сковала
 И часъ раскаянья пришелъ,
 Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
 Построить церковь обѣщаль
 На высотѣ гранитныхъ скалъ,
 Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
 Куда лишь коршунъ залеталъ. —
 И скоро межъ снѣговъ Казбека
 Поднялся одинокій храмъ,

И кости злаго человѣка
 Вновь успокоилися тамъ.
 И превратилася въ кладбище
 Скала родная облакамъ:
 Какъ-будто ближе къ небесамъ
 Теплѣй посмертное жилище.
 Какъ-будто дальше отъ людей
 Послѣдній сонъ не возмутится...
 Напрасно! мертвымъ не приснится
 И грусть, ни радость прежнихъ дней.

XV. *

Въ пространствѣ синяго зѣира
 Одинъ изъ ангеловъ святыхъ

* Вмѣсто этой строфы, была сначала написана слѣдующая:

Едва послѣдній стихъ прочли
 Надъ прахомъ дочери Гудала,
 И горсть послѣдняя земли
 О крышку гроба простучала,
 И воскурился къ небесамъ
 Кадиль прощальный еиміамъ,
 Едва лишь за скалой сосѣдней.
 Утихъ рыданій звукъ послѣдній,
 Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ, —
 Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
 Спустился ангелъ легкокрылый,
 И надъ покинутой могилой
 Приникъ съ усердною мольбой
 За душу грѣшницы молодой;
 И въ то же время царь порока
 Туда примчался издалѣка.
 Странаній мрачная семья
 Въ чертахъ недвижимыхъ таилась:
 По слѣду крыль его тащилаcя

Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
 И душу грѣшную отъ міра
 Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ.
 И сладкой рѣчью упованья
 Ея сомнѣнья разгонялъ,
 И слѣдъ проступка и страданья
 Съ нея слезами онъ смывалъ. —
 Издалека ужъ звуки рая
 Къ нимъ доносилися — какъ вдругъ
 Свободный путь пересѣкая,
 Взвился изъ бездны адскій духъ. —
 Онъ былъ могучъ какъ вихорь шумный,
 Блесталъ какъ молніи струя,
 И гордо, въ дерзости безумной,

Багровой молніи струя;
 Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
 Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
 То шумно мимо промелькнулъ,
 И взоръ произительный кидая
 Посла потеряннаго рая
 Улыбкой горькой упрекнулъ.

Сверхъ того, по другой рукописи это мѣсто читается такъ:

Едва на жесткую постель
 Тамару съ пѣньемъ опустили,
 Вдругъ тучи горы обложили
 И разыгралася мятель;
 И громче хищнаго шакала
 Она завыва въ небесахъ,
 И бѣлымъ прахомъ заметала
 Недавно ввѣренный ей прахъ;
 И только за скалой сосѣдней
 Утихъ моленья звукъ послѣдній,
 Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,
 Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ,
 Спустился ангелъ легкокрылый...

Окончаніе то же, что и въ предыдущемъ вариантѣ.

Онъ говоритъ: „она моя!“
 Къ груди хранительной прижалась,
 Молитвой ужась заглуша,
 Тамары грѣшная душа.
 Судьба грядущаго рѣшалась:
 Предъ нею снова онъ стоялъ.
 Но, Боже — кто бъ его узналъ?
 Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
 Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ,
 Вражды, незнающей конца,
 И вѣяло могильнымъ хладомъ
 Отъ неподвижнаго лица.

— „Исчезни мрачный духъ сомнѣнья!“
 Посланникъ неба отвѣчалъ:
 „Довольно ты торжествовалъ,
 Но часъ суда теперь насталъ,
 И благо Божіе рѣшенье!
 Дни испытанія прошли;
 Съ одеждой брэнною земли
 Оковы зла съ нея ниспали.
 Узнай! давно ее мы ждали!
 Ея душа была изъ тѣхъ,
 Которыхъ жизнь — одно мгновенье
 Невыносимаго мученья,
 Недосягаемыхъ утѣхъ;
 Творецъ изъ лучшаго ээира
 Соткалъ живыя струны ихъ,
 Онѣ не созданы для міра,
 И міръ былъ созданъ не для нихъ!
 Цѣной жестокой искупила
 Она сомнѣнія свои...
 Она страдала и любила —
 И рай открылся для любви!“

И ангелъ строгими очами
 На искустеля взглянулъ,
 И, радостно взмахнувъ крылами,

Въ сiяньи неба потонулъ,
 И проклялъ Демонъ побѣжденный
 Мечты безумныя свои,
 И вновь остался онъ надменный,
 Одинъ, какъ прежде, во вселенной
 Безъ упованья и любви!..

На склонѣ каменной горы,
 Надъ Кайшаурскою долиной,
 Еще стоятъ до сей поры
 Зубцы развалины старинной.
 Разказовъ страшныхъ для дѣтей,
 О нихъ еще преданья полны....
 Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
 Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
 Между деревьями чериѣтъ.
 Внизу разсыпался аулъ,
 Земля цвѣтетъ и зеленѣтъ,
 И голосовъ нестройный гулъ
 Теряется, и караваны
 Идутъ, звеня издалека.
 И, низвергаясь сквозь туманы,
 Блеститъ и пѣнится рѣка.
 И жизнью вѣчно молодою,
 Прохладой, солнцемъ и весною
 Природа тѣшится шутя,
 Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
 Когда-то очередь свою,
 Какъ бѣдный старецъ, пережившій
 Друзей и милую семью.
 И только ждуть луны восхода
 Его незримые жильцы:
 Тогда имъ праздникъ и свобода,
 Жужжать, бѣгутъ во всѣхъ концы.
 Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,

Прядетъ сѣтей своихъ основы;
 Зеленыхъ ящерицъ семья
 На кровлѣ весело играетъ,
 И осторожная змѣя
 Изъ темной щели выползаетъ
 На плиту стараго крыльца:
 То вдругъ совьется въ три кольца,
 То ляжетъ длинной полосой,
 И блещетъ, какъ булатный мечъ,
 Забытый въ полѣ давнихъ сѣтъ,
 Ненужный падшему герою!...
 — Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
 Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
 Прилежно, долго ихъ сметала,
 И не напомнитъ ничего
 О славномъ имени Гудала,
 О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершинѣ,
 Гдѣ взяты кости ихъ землей,
 Хранима властію святой,
 Видна межъ тучъ еще понынѣ;
 И у воротъ ея стоятъ
 На стражѣ черные граниты,
 Пластами снѣжными покрыты,
 И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
 Лды вѣковѣчные горятъ.
 Обваловъ сонныя громады
 Съ уступокъ, будто водопады,
 Морозомъ схваченные вдругъ,
 Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
 И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
 Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
 То пѣсню долгую заводитъ,
 То окликаетъ часовыхъ.
 Услыша вѣсти въ отдаленѣ
 О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
 Съ востока облака одни

Спѣшать толпой на поклоненье;
 И надъ семьей могильныхъ плитъ
 Давно никто ужъ не груститъ;
 Скала угрюмаго Казбека
 Добычу жадно сторожить,
 И вѣчный ропотъ челоуѣка
 Ихъ вѣчный миръ не возмутить.

1836.

РУСАЛКА.

1.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полною луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

2.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка — и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

3.

И пѣла русалка: „На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

4.

„И тамъ, на подушкѣ, изъ яркихъ песковъ,
 Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
 Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
 Спитъ витязь чужой стороны.

5.

„Расчесывать кольца шелковыхъ кудрей
 Мы любимъ во мракѣ ночей,
 И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
 Цаловали красавца не разъ.

6.

„Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
 Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
 Онъ спитъ — и, склонившись на перси ко мнѣ
 Онъ не дышетъ, не шепчетъ во снѣ...“

7.

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
 Полна непонятной тоской;
 И шумно, катясь, колебала рѣка
 Отраженныя въ ней облака.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Иордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои слетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манить въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольний прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣды горючихъ слезъ?

Иль божьей рати лучший воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрной часовой?

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!

Вотъ арфа золотая:

Пускай персты твои, промчавшия по ней,

Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ —

Онѣ въ груди моей проснутя,

И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ —

Онѣ растають и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,

Мнѣ тягостны веселыя звуки!

Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
 Иль разорвется грудь отъ муки.
 Страданьями была ушита она,
 Томилась долго и безмолвно;
 И грустный часъ насталь — теперь она полна;
 Какъ кубокъ смерти, яда полный.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

Какъ одинокая гробница
 Вниманье путника зоветъ,
 Такъ эта блѣдная страница
 Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
 Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
 И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
 То думай, что его ужъ нѣтъ,
 Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

1837.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде, — и убитъ?
Убитъ!... къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкой лепетъ оправданья? —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что жъ? веселитесь!... Онъ мучений
Последнихъ перенести не могъ.

Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
 Увяль торжественный вѣнокъ!...
 Его убійца хладнокровно
 Навель ударъ, — спасенья нѣтъ:
 Пустое сердце бьется ровно,
 Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
 И чтó за диво?... издалека,
 Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
 На ловлю счастья и чиновъ
 Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
 Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
 Земли чужой языкъ и нравы:
 Не могъ щадить онъ нашей славы,
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
 На чтó онъ руку подымалъ!

* * *

И онъ погибъ и взятъ могилой,
 Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
 Добыча ревности нѣмой... *
 Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
 Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
 Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
 Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
 Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
 Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
 Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ —
 Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
 И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
 Увитый лаврами, надѣли на него;
 Но иглы тайныя сурово
 Язвили славное чело...
 Отравлены его послѣднія мгновенья
 Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,

* Зачеркнуто; и злобы горлеца

И умерь онъ съ глубокой жаждой мщенья,
 Съ досадой тайною обманутыхъ надежъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
 Не раздаваться имъ опять,
 Приютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
 И на устахъ его печать!

.

*

* По другому списку, продолженіе этого стихотворенія такое:

А вы, надменные потомки
 Извѣстныхъ, подлостью прославленныхъ отцовъ,
 Пятою рабскою поправшіе обломки
 Игрою счастья униженныхъ рабовъ!...
 Свободы, геція и славы палачи!
 Таитесь вы подъ сѣнію закона,
 Предъ вами судъ и правда — все молчи!
 Но есть и божій судъ, наперсники разврата,
 Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
 Онъ недоступенъ звону злата,
 И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
 Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
 Оно не защититъ васъ вновь,
 И вы не смаете, всей вашей черной кровью,
 — Поэта праведную кровь!

ПѢСНЯ.

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО
ОПРИЧНИКА И УДАЛАГО КУПЦА
КАЛАШНИКО.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
 Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
 Про твою любимаго опричника,
 Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
 Мы сложили ее на старинный ладъ,
 Мы пѣвали ее подъ гуслирный звонъ,
 И причитывали, да присказывали.
 Православный народъ ею тѣшился,
 А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
 Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго.
 А боярыня его бѣлолицая
 Подносила намъ на блюдѣ серебряномъ
 Полотенцо новое, шолкомъ шитое.
 Угощали насъ три дня, три ночи,
 И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
 Не любятъся имъ тучки синія:
 То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
 Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 Позади его стоятъ стольники,
 Супротивъ его все бояре да князья,
 По бокамъ его все опричники;

И шируетъ царь во славу Божию,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднести его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя, сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ,
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою, —
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ, —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.

„Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али слава нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радости гнушаться.“

А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..“

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ
Царю грозному, въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская.
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготить она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
„Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачвомъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ сынъ купеческій?“

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая,
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покатагся,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,

Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
 Чернымъ соболемъ отороченную, —
 У воротъ стоять у тесовыхъ
 Красны дѣвушки да молодушки,
 И любятъся, глядя, перешептываясь:
 Лишь одна не глядитъ, не любитъся,
 Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
 Не найти не сыскать такой красавицы:
 Ходить плавно — будто лебѣдушка,
 Смотритъ сладко — какъ голубушка,
 Молвить слово — соловей поетъ,
 Горять щеки ея румяныя,
 Какъ заря на небѣ Божіемъ;
 Косы русыя, золотистыя,
 Въ ленты аркія заплетенныя,
 По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
 Съ грудью бѣлою цалуются.
 Во семьѣ родилась она купеческой,
 Прозывается Алѣной Дмитревной.

— Какъ увижу ее — и я самъ не своей:
 Опускаются руки сильныя,
 Помрачаются очи бойкія;
 Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
 Одному по свѣту маяться.
 Опостыли мнѣ кони легкіе,
 Опостыли наряды парчевые,
 И не надо мнѣ золотой казны:
 Съ кѣмъ казною своею подѣлюсь теперь?
 Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
 Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
 Отпусти меня въ степи приволжскія,
 На житье на вольное, на казацкое.
 Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
 И сложу на коньѣ бусурманское;
 И раздѣлять по себѣ / алы; Татаровья

Коня добраго, саблю острую
 И сѣдельцо бранное черкасское.
 Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
 Мои кости сырыя дождемъ вымоетъ,
 И безъ похоронъ горемычный прахъ
 На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
 „Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
 Твоему горю пособить постараюсь.
 Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
 Да возьми ожерелье жемчужное.
 Прежде свахѣ смышлёной поклоняйся,
 И пошли дары драгоценныя
 Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
 Какъ полюбишься — праздную свадьбу,
 Не полюбишься — не прогибайся.“

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
 Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
 Не сказалъ тебѣ правды истинной,
 Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
 Въ церкви божіей перевѣнчана,
 Перевѣнчана съ молодымъ кушомъ
 По закону нашему, христіанскому...

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
 Ужъ потѣшите, вы добраго боярина
 И боярню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
 Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,

По прозванію Калашниковъ;
 Шелковые товары раскладываетъ,
 Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
 Злато, серебро пересчитываетъ.
 Да не добрый день задался ему:
 Ходятъ мимо баре богатые,
 Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерю во святыхъ церквахъ;
 За кремлемъ горитъ заря туманная,
 Набѣгаютъ тучки на небо, —
 Гонитъ ихъ мятелица распѣваючи;
 Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
 Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
 Свою лавочку дверью дубовою
 Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
 Злаго пса-ворчуна зубастаго
 На желѣзную цѣнь привязываетъ.
 И пошелъ онъ домой призадумавшись,
 Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
 И дивится Степанъ Парамоновичъ:
 Не встрѣчаетъ его молодая жена,
 Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
 А свѣча передъ образомъ еле теплится.
 И кличетъ онъ старую работницу:
 „Ты скажи, скажи Еремѣвна,
 А куда дѣвалась, затаилася
 Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
 А что дѣтки мои любезныя,
 Чай забѣгались, заигрались,
 Спозаранку спать уложились?“
 — Господишь ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
 Я скажу тебѣ диво дивное:
 Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
 Вотъ ужъ попь пришелъ съ молодой попадьей,
 Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —

А по-сю-пору твоя хозяйюшка
 Изъ приходской церкви не вернулась.
 А что дѣтки твои малыя
 Почивать не легли, не играть пошли —
 Плачемъ плачуть, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
 Молодой купецъ Калашниковъ.
 И онъ сталъ въ окну, глядитъ на улицу,
 А на улицѣ ночь темнѣхонька;
 Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
 Заметаеть слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
 Потомъ слышитъ шаги торопливые;
 Обернулся, глядитъ — сила крестная!
 Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
 Сама блѣдная, простоволосая,
 Косы русыя расплетенныя
 Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
 Смотрять очи мутныя, какъ безумныя;
 Уста шепчуть рѣчи непонятныя.

„Ужь ты гдѣ жена, жена шаталася?
 На какомъ дворѣ, на площади,
 Что растрепаны твои волосы,
 Что одѣжда вся твоя изорвана?
 Ужь гуляла ты, пиновала ты,
 Чай съ сынками все боярскими?...
 Не на то предъ святыми иконами
 Мы съ тобой, жена, обручались,
 Золотыми кольцами мѣнялися!..
 Какъ запрю я тебя за желѣзный замокъ,
 За дубовую дверь окованную,
 Чтобы свѣту божьяго ты не видѣла,
 Мое имя честное не порочила.“

И услышавъ то, Алёна Дмитревна,
 Задрожала вся моя голубушка,
 Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
 Горько-горько она восплакалась,
 Въ ноги мужу повалилася :

„Государь ты мой, красно-солнышко,
 Иль убей меня, или выслушай!
 Твои рѣчи — будто острый ножъ,
 Отъ нихъ сердце разрывается.
 Не боюся смерти лютыя,
 Не боюся я людской молвы,
 А боюся твоей немилости.

„Отъ вечерни я домой шла нонече
 Вдоль по улицѣ одинѣшенька.
 И слышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ ;
 Оглянулася — человекъ бѣжить.
 Мои ноженъки подкосилися,
 Шелковой фатой я закрылася.
 И онъ сильно схватилъ меня за руки
 И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ :
 — Что пугаешься, красная красавица?
 Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
 Я слуга царя, царя грознаго,
 Прозываюсь Кирибѣвичемъ,
 А изъ славной семьи изъ Малютиной... —

Испугалась я пуще прежняго ;
 Закружилась моя бѣдная головушка.
 И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
 И цалуя, все приговаривалъ :
 — Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
 Моя милая, драгоценная!
 Хочешь золота, али жемчугу ?
 Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи ?
 Какъ царицу я наряжу тебя,
 Станутъ всё тебѣ завидовать.

Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
 Полюби меня, обними меня
 Хоть единый разъ на прощаніе!

„И ласкалъ онъ меня, цаловалъ онъ меня:
 На щекахъ моихъ и теперь горять,
 Живымъ пламенемъ разливаются
 Поцалуй его окаянные...
 А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
 Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...”

„Какъ изъ рукъ его я рванулася
 И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
 И остались въ рукахъ у разбойника
 Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
 И фата моя бухарская.
 Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
 Меня, честную, непорочную.
 И что скажутъ злыя сосѣдушки?
 И кому на глаза покажусь теперь?”

„Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
 Злымъ охульникамъ на поруганіе!
 На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
 У кого просить стану помощи?
 На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
 Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
 Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
 А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
 На чужой сторонукѣ пропалъ безъ вѣсти,
 А меньшей мой братъ — дитя малое,
 Дитя малое, неразумное...”

Говорила такъ Алёна Дмитревна,
 Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
 За двумя меньшими братьями;

И пришли его два брата, поклонилися,
 И такое слово ему молвили:
 „Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
 Чтѣ съ тобой случилось, приключилося,
 Что послалъ ты за нами во темную ночь,
 Во темную ночь, морозную?“

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
 Что лиха бѣда со мною приключилася:
 Опозорилъ семью нашу честную
 Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ.
 А такой обиды не стерпѣть душѣ,
 Да не вынести сердцу молодецкому.
 Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
 На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
 И я выйду тогда на опричника,
 Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
 А побѣтъ онъ меня — выходите вы
 За святую правду-матушку.
 Не сробѣйте, братцы любезные.
 Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
 На васъ меньше грѣховъ накопилось,
 Такъ авось Господъ васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
 „Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
 Туда мчатся и тучки послушныя.
 Когда сизою орелъ зоветъ голосомъ
 На кровавую долину побоища,
 Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
 Къ нему малые орлята слетаются.
 Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
 Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
 А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ.“

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
 Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
 И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
 Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
 Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
 По тесовымъ кровелькамъ играючи,
 Тучки сѣрыя разгоняючи,
 Заря алая подымается.
 Разметала кудри золотистыя,
 Умывается снѣгами разсыпчатыми,
 Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
 Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
 Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просьшалася?
 На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
 Удалие бойцы московскіе
 На Москву-рѣку, на кулачный бой,
 Разгуляться для праздника, потѣшиться.
 И пріѣхалъ царь со дружиною,
 Со боярами и опричниками,
 И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
 Чистымъ золотомъ въ кольцахъ снайную.
 Оцѣнили мѣсто въ двадцать пять сажень
 Для охотницкаго бою, одиночнаго.
 И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
 Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
 „Ой ужъ гдѣ вы, добры молодцы?
 Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
 Выходите-ка во широкій кругъ:
 Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
 А кто будетъ проиграть, того Богъ проститъ!“

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
 Царю въ поясъ молча кланяется,
 Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
 Подпершися въ бокъ рукою правою,
 Поправляетъ другой шанку алую,
 Ожидаетъ онъ себѣ противника..
 Трижды громкій кличъ прокликали —
 Ни одинъ боецъ и не тронулся,
 Лишь стоятъ, да другъ друга подталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
 Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ;
 „Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
 Такъ и быть, обещаюсь, для праздника,
 Отпущу живаго съ покаяшемъ,
 Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.“

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
 И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
 Молодой купецъ, удалой боецъ,
 По прозванію Калашниковъ.
 Поклонился прежде царю грозному,
 Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
 А потомъ всему народу русскому.
 Горять очи его соколиныя,
 На опричника смотрятъ пристально;
 Супротивъ его онъ становится,
 Боевыя рукавицы натягиваетъ,
 Могутныя плечи распрямливаетъ,
 Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
 „А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
 Ты какого рода, племени,
 Какимъ именемъ прозываешься?
 Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
 Чтобы было чѣмъ и похвастаться.“

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ :

„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
 А родился я отъ честнова отца,
 И жилъ я по закону Господнему;
 Не позорилъ я чужой жены,
 Не разбойничалъ ночью темною,
 Не таился отъ свѣта небеснаго...
 И промолвилъ ты правду истинную:
 По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
 И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
 И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
 Съ удалыми друзьями пируючи...
 Не шутку шутить, не людей смѣшить
 Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ.
 Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
 Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
 Бойко очи его затуманились,
 Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
 На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
 Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
 И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
 И ударилъ его посередь груди —
 Затрещала грудь молодецкая,
 Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
 На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
 Со святыми мощами изъ Кіева,
 И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
 Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
 И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
 „Чему быть суждено, то и сбудется;
 Постояю за правду до-послѣднева!“
 Изловчился онъ, приготовился,

Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за́мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На голодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сырѣмъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогневаясь гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привести его передъ лицо свое.

Какъ возгворилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нѣхотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣвича?“

— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

„Хорошо тебѣ дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ вѣло отъ сего же дня

По всему царству Русскому широкому
 Торговать безданно, безошлинно,
 А ты самъ ступай, дѣтинушка,
 На высокое мѣсто лобное,
 Сложи свою буйную головушку,
 Я топоръ велю наточить-наострить,
 Начала велю одѣть-нарядить,
 Въ большой колоколь прикажу звонить,
 Чтобы знали всѣ люди московскіе,
 Что и ты не оставленъ моею милостью...“

Какъ на площади народъ собирается,
 Заунывно гудитъ-воетъ колоколь,
 Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
 По высокому мѣсту лобному,
 Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
 Съ большимъ топоромъ наострѣннымъ,
 Руки голыя потираючи,
 Палачъ весело похаживаетъ,
 Удалова бойца дожидается,
 А лихой боецъ, молодой кунецъ,
 Со родными братьями прощается.

„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
 Поцалуемтесь, да обвинемтесь
 На послѣднее разставаніе.
 Поклонитесь отъ меня Алѣнѣ Дмитревнѣ,
 Закажите ей меньше печалиться,
 Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
 Поклонитесь дому родительскому,
 Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
 Помолитесь сами въ церкви божіей
 Вы за душу мою, душу грѣшную!“

И казнили Стенана Калашникова
 Смертью лютою, пезорною;
 И головушка безталанная
 Во крови на плаху покатылася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
 На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
 Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
 И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
 И кленовый крестъ тутъ поставили.
 И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйныя
 Надъ его безыменной могилкою.
 И проходятъ мимо люди добрые:
 Пройдетъ старъ человекъ — перекрестится,
 Пройдетъ молодецъ — приосанится.
 Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
 А пройдутъ гуслары — споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
 Гуслары молодые,
 Голоса заливные!
 Красно начинали — красно и кончайте,
 Каждому правдою и честью воздайте!

Тороватому боярину слава!
 И красавицѣ-боярышѣ слава!
 И всему народу христіанскому слава!

БОРОДИНО.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
 Москва, спаленная пожаромъ,
 Французу отдана?“

Вѣдь были жъ схватки боевыя?
 Да говорятъ, еще какія!
 Не даромъ помнить вся Россія
 Про день Бородина!“

— Да, были люди въ наше время
 Не то, что нынѣшнее племя:
 Богатыри — не вы!
 Плохая имъ досталась доля:
 Немногіе вернулись съ поля...
 Не будь на то Господная воля,
 Не отдали бъ Москву!

Мы долго, молча, отступали.
 Досадно было, боя ждали,
 Ворчали старики:
 „Что жъ мы? на зимнія квартиры?
 Не смѣютъ, что ли командиры
 Чужіе изорвать мундиры
 О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле;
 Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
 Построили редутъ.
 У нашихъ ушки на макушкѣ!
 Чуть утро освѣтило пушки
 И лѣса синія верхушки —
 Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
 И думаль: угощу я друга!
 Постой-ка братъ мусью!
 Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
 Ужъ мы пойдѣмъ ломить стѣною,
 Ужъ постоимъ мы головою
 За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ,
 Чтб толку въ этакой бездѣлкѣ?

Мы ждали третій день.
 Повсюду стали слышны рѣчи:
 „Пора добратся до картечи!“
 И вотъ на волѣ грозной сѣчи
 Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
 И слышно было до разсвѣта,
 Какъ ликовалъ французъ.
 Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
 Кто киверъ чистилъ весь избитый,
 Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
 Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось —
 Все шумно вдругъ зашевелилось,
 Сверкнулъ за строемъ строй.
 Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
 Слуга царю, отецъ солдатамъ...
 Да жаль его: сраженъ булатомъ,
 Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
 „Ребята! не Москва ль за нами?
 Умремте жъ подъ Москвой,
 Какъ наши братья умирали!“
 — И умереть мы обѣщали,
 И клятву вѣрности сдержали
 Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
 Французы двинулись какъ тучи,
 И все на нашъ редутъ.
 Уланы съ пестрыми значками,
 Драгуны съ конскими хвостами

Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестяль,
Звучаль булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колотъ устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищey считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
 Дайте мнѣ сіянье дня,
 Черноглазую дѣвицу,
 Черногриваго коня.
 Я красавицу младую
 Прежде сладко поцалую,
 На коня потомъ вскочу,
 Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу*.

*

Но окно тюрьмы высоко,
 Дверь тяжелая съ замкомъ;
 Черноокая далѣко,
 Въ пышномъ теремѣ своѣмъ;
 Добрый конь въ зеленомъ полѣ
 Безъ узды, одинъ, по волѣ
 Скачетъ веселъ и игривъ,
 Хвостъ по вѣтру распустивъ.

*

Одинокъ я — нѣтъ отрады:
 Отѣны голыя кругомъ,

* Эти четыре стиха прежде были написаны Лермонтовымъ такъ:

Чтобъ я съ ней по чисту полю
 Ускакалъ на томъ конѣ
 Дайте волю-волю-волю,
 И ненадо/спасѣнн мнѣ!

Тускло свѣтитъ лучъ лампы
 Умирающимъ огнёмъ;
 Только слышно: за дверями,
 Звучномѣрными шагами
 Ходитъ, въ тишинѣ ночной,
 Безотвѣтный часовой.

МОЛИТВА.

Я, мать Божія, нынѣ съ молитвою
 Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
 Не о спасеніи, не передъ битвою,
 Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
 За душу странника въ свѣтѣ безроднаго, —
 Но я вручить хочу дѣву невинную
 Теплою Заступницѣ міра холоднаго.

Скружи счастиемъ душу достойную,
 Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
 Молодость свѣтлую, старость покойну,
 Сердцу незлобному міръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
 Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
 Ты воспріять пошли къ ложу печальному
 Лучшаго ангела душу прекрасную.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій дѣсь шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянѣющимъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста миѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеныи ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ миѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

СОСѢДЪ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя какъ друга юныхъ лѣтъ, —
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь — <http://rcin.org.pl>

Когда зари румяный полусвѣтъ
 Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
 Миѣ, умирая, посылаетъ,
 И, опершись на звучное ружьё,
 Нашъ часовой про старое житьё
 Мечтая, стоя засышаетъ, —

Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
 Я слушаю — и въ мрачной тишинѣ
 Твои напѣвы раздаются.
 О чемъ они — не знаю; но тоской
 Исполнены, и звуки чередой,
 Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь
 Въ груди моей все оживаютъ вновь,
 И мысли далеко несутся,
 И полонъ умъ желаній и страстей.
 И кровь кипитъ, — и слезы изъ очей,
 Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Разстались мы; но твой портретъ
 Я на груди моей храню;
 Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
 Онъ душу радуеть мою.

И, новымъ преданный страстямъ,
 Я разлюбить его не могъ:
 Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
 Кумиръ поверженный — все Богъ!

1838.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межь-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и поздимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны...
.....
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часть ихъ красоты — его паденья часть!

Мы иссушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей

Надежды лучшія и голосъ благородный
 Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
 Едва касались мы до чаши наслажденья,
 Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
 Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
 Мы лучшей сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
 Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
 Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
 Зарытый скупостью и бесполезный кладъ.
 И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
 Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
 И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
 Когда огонь кипитъ въ крови.
 И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
 Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
 И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
 Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
 Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
 Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
 Ни геніемъ начатаго труда.
 И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
 Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
 Насмѣшкой горькою обманутаго сына
 Надъ промотавшимся отцомъ.

1839.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ).

Въ песчаныхъ степахъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошныя листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы.
Ни чей благосклонной не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...“

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытыя вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ, челнокъ
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
 Узорныя полы походныхъ шатровъ;
 Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
 И черныя очи оттуда сверкали...
 И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
 Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
 И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
 И бѣлой одежды красивыя складки
 По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
 И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
 Бросалъ и ловилъ онъ копьё на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
 Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
 Кувшины, звуча, налилися водою,
 И, гордо кивая махровой главою,
 Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
 И щедро поитъ ихъ студѣный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
 Но корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, —
 И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
 Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
 Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
 И медленно жгли ихъ до утра огнѣмъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
 Урочный свой путь совершалъ караванъ:
 И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ бесплодной
 Видѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной.
 И солнце остатки сухіе дожгло,
 А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
 Не шепчется листья съ гремучимъ ключомъ:
 Напрасно прорѣка въ тѣни онъ преситъ —

Его лишь песокъ раскаленный заносить,
 Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
 Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воесть, дикъ и злобенъ
 Межъ утесистыхъ громадъ,
 Бурѣ плачь его подобенъ,
 Слезы брызгами летятъ.
 Но, по степи разбѣгаясь,
 Онъ лукавый принялъ видъ,
 И, привѣтливо ласкаясь,
 Морю Каспiю журчитъ:

„Разступись, о, старецъ-море,
 Дай приютъ моей волнѣ!
 Погулялъ я на просторѣ, —
 Отдохнуть пора бы мнѣ.
 Я родился у Казбека,
 Вскормленъ грудью облаковъ,
 Съ чуждой властью человѣка
 Вѣчно спорить былъ готовъ.
 Я сынамъ твоимъ въ забаву,
 Разорилъ родной Дарьялъ,
 И валуновъ имъ, на славу,
 Стадо цѣлое пригналъ.“

Но, склонясь на мягкій берегъ,
 Каспiй стихнулъ, будто спитъ,

И опять, ласкаясь, Терекъ
 Старцу на ухо журчитъ :

„Я привезъ тебѣ гостинецъ!
 То гостинецъ не простой;
 Съ поля битвы Кабардинецъ,
 Кабардинецъ удалой.

„Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
 Въ налокотникахъ стальныхъ;
 Изъ Корана стихъ священный
 Писанъ золотомъ на нихъ.
 Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
 И усомъ его края
 Обагрила знойной крови
 Благородная струя;
 Взоръ открытый, безответный,
 Полонъ старою враждой;
 По затылку чубъ завѣтный
 Вьется черною космой.“

Но склоняся на мягкій берегъ,
 Каспій дремлетъ и молчитъ;
 И, волнуясь, буйный Терекъ
 Старцу снова говоритъ :

„Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
 Что другіе всѣ дары?
 Но его отъ всей вселенной
 Я таилъ до сей поры.
 Я примчу къ тебѣ съ волнами
 Трупъ казачки молодой,
 Съ темно-блѣдными плечами,
 Съ свѣтло-русою косою.
 Грустенъ ликъ ея туманный,
 Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
 А на грудь изъ малой раны
 Струйка алая бѣжитъ.

По красоткѣ-молодицѣ
 Не тоскуеть надъ рѣкой
 Лишь одинъ во всей станицѣ
 Казачина гребенской.

„Осѣдлалъ онъ воронаго,
 И въ горахъ, въ ночномъ бою,
 На кинжалъ чеченца злаго
 Сложитъ голову свою.“

Замолчалъ потокъ сердитый,
 И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
 Голова съ косою размытой,
 Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
 Всталъ, могучій, какъ гроза,
 И одѣлись влагой страсти
 Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный, —
 И въ объятія свои
 Набѣгающія волны
 Принялъ съ ропотомъ любви.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tout les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier.

Не вѣрь, не вѣрь, себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль илѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака Небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипить, то силъ избытокъ!
Скорѣ жизнь свою въ заботахъ истощи, —
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный, —
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья;
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставить
На диво черни престолашной!

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
 На что намъ знать твои волненья,
 Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
 Разсудка злыя сожалѣнья?
 Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
 Толпа дорогою привычной;
 На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнь слѣдъ заботъ,
 Слезы ве встрѣтишь неприличной.

 А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
 Тяжелой пыткой неизмятый,
 До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
 Безъ преступленья иль утраты!...
 Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
 Съ своимъ наѣвомъ заученнымъ,
 Какъ разрумяненный трагическій актёръ,
 Махающій мечемъ картоннымъ.

ПАМЯТИ А. И. О — ГО.

1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
 Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
 Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
 Вернулся я, и время испытанья
 Промчалось законной чередой;
 А онъ не дождался минуты сладкой;
 Подъ бѣдною походною палаткой
 Болѣзнь его сразила, и съ собой

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
 Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
 Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
 Познѣи и счастья... Но, безумный —
 Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
 И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
 И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
 Но до конца, среди волненья трудныхъ,
 Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
 Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ;
 Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
 И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
 И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
 Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
 Покрытое землей чужихъ полей,
 Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
 Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
 Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
 Но съ твердостью. Тайственная дума
 Еще блуждала на челѣ твоемъ,
 Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
 И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
 Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

4.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
 Названье ли оставленнаго друга,
 Или тоска по жизни молодой,
 Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,

Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
 Глубокое и горькое значенъе
 Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
 И думы, — все исчезло безъ слѣдовъ,
 Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
 Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
 Куда они? зачѣмъ? откуда? — кто ихъ спроситъ...

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
 Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
 Какъ отъ мечты, которой никогда
 Онъ не вѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной!...
 Чтѣ за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
 Столь чуждое ему существованъе:
 Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
 И тернiя пустыхъ его клеветъ?
 Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
 Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
 Любишь ты моря шумъ, молчанъе синей стени —

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
 И вокругъ твоей могилы неизвѣстной,
 Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
 Судьба соединила такъ чудесно:
 Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
 Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
 Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
 Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
 Расскажамъ волнъ кочующихъ внимаю,
 А Море Черное шумитъ не умолкая.

МЦЫРИ*.

Вкушая вкусихъ мало мѣду, и се азъ умираю.

І Книг. Царствъ.

І.

Немного лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ сливаясь шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадилицъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надписи говоритъ
О славѣ прошлой — и о томъ,
Какъ удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

* Мцыри — на грузинскомъ языкѣ значитъ „неслужащій монахъ“, нѣчто въ родѣ „послушника“.

И Божья благодать сошла
 На Грузію! — Она цвѣла
 Съ-тѣхъ-поръ въ тѣни своихъ садовъ,
 Не опасаяся враговъ,
 За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генераль
 Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
 Ребенка плѣннаго онъ везъ.
 Тотъ занемогъ, не перенесъ
 Трудовъ далекаго пути:
 Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
 Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
 И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
 Но въ немъ мучительный недугъ
 Развилъ тогда могучій духъ
 Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
 Томился, даже слабый стонъ
 Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ,
 Онъ знакомъ пищу отвергалъ,
 И тихо, гордо умиралъ.
 Изъ жалости, одинъ монахъ
 Больнаго призрѣлъ, и въ стѣнахъ
 Хранительныхъ остался онъ
 Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
 Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
 Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
 Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
 Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
 Томимъ неясною тоской
 По сторонѣ своей родной.
 Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
 Сталъ понимать чужой языкъ,
 Былъ окрещенъ святымъ отцомъ,
 И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,

Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
 Изречь монашескій обѣтъ,
 Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
 Осенней ночью. Темный лѣсъ
 Тянулся по горамъ кругомъ.
 Три дня всѣ поиски по немъ
 Напрасны были; но потомъ
 Его въ степи безъ чувствъ нашли ...
 И вновь въ обитель принесли.
 Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
 И слабъ, какъ-будто долгій трудъ,
 Болѣзнь, иль голодъ испыталъ.
 Онъ на допросъ не отвѣчалъ
 И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ.
 И близокъ сталъ его конецъ.
 Тогда пришелъ къ нему чернецъ
 Съ увѣщаньемъ и мольбой;
 И, гордо выслушавъ, больной
 Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
 И долго такъ онъ говорилъ:

III.

„Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ, благодарю.
 Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
 Словами облегчить мнѣ грудь.
 Но людямъ я не дѣлалъ зла,
 И потому мои дѣла
 Немного пользы вамъ узнать, —
 А душу можно ль рассказать?
 Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
 Такихъ двѣ жизни за одну,
 Но только полную тревогъ,
 Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
 Я зналъ одной лишь думы власть.
 Одну, — <http://mem.org.pl>

Она, какъ червь во мнѣ жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 Отъ келій душныхъ и молитвъ
 Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
 Гдѣ въ тучахъ спрячутся скалы,
 Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
 Я эту страсть во тьмѣ ночной
 Вскормилъ слезами и тоской;
 Ее предъ небомъ и землей
 Я нынѣ громко признаю
 И о прощеньи не молю.

IV.

„Старикъ! я слышалъ много разъ,
 Что ты меня отъ смерти спасъ —
 Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
 Грозой оторванный листокъ,
 Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
 Душой дитя, судьбой монахъ.
 Я никому не могъ сказать
 Священныхъ словъ „отецъ“ и „мать“.
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобъ я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ имёнъ —
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рождёнъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ — могилъ!
 Тогда, пустыхъ не гтая слезъ,
 Въ душѣ я клятву произнесъ;
 Хотя на мигъ когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать съ тоской къ груди другой,
 Хотъ незнакомой, но родной.

Увы! теперь мечтанья тѣ
 Погибли въ полной красотѣ,
 И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
 Умру рабомъ и сиротой.

V.

„Меня могила не страшитъ:
 Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
 Въ холодной, вѣчной тишинѣ.
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
 Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билось живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубъ молодой
 Сидитъ, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постыль: ты слабъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ.
 Чтѣ за нужда? Ты жилъ, старикъ!
 Тебѣ есть въ мѣрѣ чтѣ забыть,
 Ты жилъ, — я также могъ бы жить!

VI.

„Ты хочешь знать, чтѣ видѣлъ я
 На волѣ! — Пышныя поля,
 Холмы, покрытые вѣнцомъ
 Деревъ, разросшихся кругомъ.

Шумящихъ свѣжею толпой,
 Какъ братья въ пляскѣ круговой,
 Я видѣлъ груды тѣмныхъ скалъ,
 Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
 И думы ихъ я угадалъ:
 Мнѣ было свыше то дано!
 Простерты въ воздухѣ давно
 Объяты каменные ихъ
 И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
 Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года, —
 Имъ не сойтится никогда.
 Я видѣлъ горные хребты,
 Причудливые, какъ мечты,
 Когда, въ часъ утренней зари,
 Курились, какъ алтари,
 Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
 И облачко за облачкомъ,
 Покинувъ тайный свой ночлегъ,
 Къ востоку направляло бѣгъ —
 Какъ-будто бѣлый караванъ
 Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
 Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
 Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
 Сѣдой, незыблемый Кавказъ, —
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
 Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
 И стало въ памяти моей
 Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

„И вспомнилъ я отцовскій домъ,
 Ущелье наше, и кругомъ
 Въ тѣни разсыпанный аулъ;
 Мнѣ слышался вечерній гулъ

Домой бѣгущихъ табуновъ
 И дальній лай знакомыхъ псовъ.
 Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
 При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
 Противъ отцовскаго крыльца
 Сидѣвшихъ съ важностью лица;
 И блескъ оправленныхъ ноженъ,
 Книжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
 Все это смутной чередой
 Вдругъ пробѣгало предо мной.
 А мой отецъ? Онъ какъ живой
 Въ своей одеждѣ боевой
 Являлся мнѣ, и помнилъ я
 Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
 И гордый, непреклонный взоръ. —
 И молодыхъ моихъ сестёръ...
 Лучи ихъ сладостныхъ очей,
 И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
 Надъ колыбелю моей...
 Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ,
 Онъ шуметь былъ, но не глубокъ;
 Къ нему, на золотой песокъ,
 Играть я въ полдень уходилъ
 И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
 Когда онѣ передъ дождёмъ
 Волны касались крыломъ.
 И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
 И предъ вечернимъ очагомъ
 Разказы долгиe о томъ,
 Какъ жили люди прежнихъ дней,
 Когда былъ мiръ еще пышнѣй.

VIII

„Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
 На волѣ? Жилъ — и жизнь моя
 Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней

Была бѣ печальнѣй и мрачнѣй
 Бессильной старости твоей.
 Давнымъ-давно задумалъ я
 Взглянуть на дальнія поля,
 Узнать, прекрасна ли земля, —
 И въ часъ почной, ужасной часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столпясь при алтарѣ,
 Вы ницъ лежали на землѣ,
 Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
 Обнялся съ бурей былъ бы радъ!
 Глазами тучи я слѣдилъ,
 Рукою молнію ловилъ...
 Скажи мнѣ, что́ средь этихъ стѣнъ
 Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
 Той дружбы краткой, но живой,
 Можъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

IX.

„Бѣжалъ я долго — гдѣ, куда,
 Не знаю! Ни одна звѣзда
 Не озаряла трудный путь.
 Мнѣ было весело вдохнуть
 Въ мою измученную грудь
 Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ, —
 И только. Много я часовъ
 Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
 Прилегъ между высокихъ травъ;
 Прислушался; погони нѣтъ.
 Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
 Тянулся длинной полосой
 Межъ темнымъ небомъ и землей,
 И различалъ я, какъ узоръ,
 На ней зубцы далекихъ горъ.
 Недвижимъ, молча я лежалъ.
 Порой въ ущелии шакалъ

Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
 И, гладкой чешусй блестя,
 Змѣя скользила межъ камней;
 Но страхъ не сжалъ души моей:
 Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
 И ползъ и прятался какъ змѣя.

X.

„Внизу глубоко подо мной
 Потокъ, усиленный грозой,
 Шумѣлъ, и шумъ его глухой
 Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
 Подобился. Хотя безъ словъ,
 Миѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
 Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
 Съ упрямой грудой камней.
 То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
 Онъ раздавался въ тишинѣ;
 И вотъ, въ туманной вышинѣ
 Запѣли птички, и востокъ
 Озолотился; вѣтерокъ
 Сырые шевельнулъ листы;
 Дохнули сонные цвѣты,
 И, какъ они, на встрѣчу дню
 Я поднялъ голову мою...
 Я осмотрѣлся; не таю:
 Миѣ стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежалъ,
 Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый вальъ;
 Туда вели ступени скаль:
 Но лишь злой духъ по нимъ шагаль,
 Когда, низверженный съ небесъ,
 Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

„Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
 Растеній радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слѣзъ
 И кудри виноградныхъ лозъ
 Вились, красуясь межъ дерѣвъ
 Прозрачной зеленью листовъ;
 И грозды полныя на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и порой
 Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
 И снова я къ землѣ приналъ,
 И снова вслушиваться сталъ
 Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
 Они шептались по кустамъ,
 Какъ-будто рѣчь свою вели
 О тайнахъ неба и земли;
 И всѣ природы голоса
 Сливались тутъ; не раздался
 Въ торжественный хваленъя часъ
 Лишь человѣка гордый гласъ.
 Все, чтò я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы, — имъ ужъ нѣтъ слѣда:
 Но я бъ желалъ ихъ рассказать,
 Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
 Въ то утро былъ небесный сводъ
 Такъ чистъ, что ангела полѣтъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевой!
 Я въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пока полдневный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться сталъ.

XII.

„Тогда къ потоку съ высоты,
 Держась за гибкіе кусты,
 Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
 Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился внизъ — за нимъ бразда
 Дымилась, прахъ вился столбомъ;
 Гудя и прыгая, потомъ
 Онъ поглощаемъ былъ волной;
 И я висѣлъ надъ глубиной, —
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась нестрашна!
 Лишь только я съ крутыхъ высотъ
 Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
 Повѣяла на встрѣчу мнѣ,
 И жадно я припалъ къ волнѣ.
 Вдругъ голосъ — легкій шумъ шаговъ..
 Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
 Невольнымъ трепетомъ объять,
 Я поднялъ боязливый взглядъ
 И жадно вслушиваться сталъ:
 И ближе, ближе все звучалъ
 Грузинки голосъ молодой,
 Такъ безыскусственно живой,
 Такъ сладко вольный, будто онъ
 Лишь звуки дружескихъ именъ
 Произносить былъ приученъ.
 Простая пѣсня то была,
 Но въ мысль она мнѣ залегла,
 И мнѣ, лишь сумракъ настаётъ,
 Незримый духъ ее поётъ.

XIII.

„Держа кувшинъ надъ головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила къ берегу. Порой
 Она скользила межъ камней,
 Смѣясь неловкости своей.
 И бѣденъ былъ ея нарядъ;
 И шла она легко, назадъ
 Изгибы длинныя чадры
 Откинувъ. Лѣтніе жары
 Покрыли тѣнью золотой
 Лицо и грудь ея; и зной
 Дышалъ отъ устъ ея и щѣкъ,
 И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
 Такъ полонъ тайнами любви,
 Что думы пылкія мои
 Смуглились. Помню только я
 Кувшина звонъ, — когда струя
 Вливалась медленно въ него,
 И шорохъ... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила отъ сердца кровь
 Она была ужъ далеко;
 И шла хотъ тише, — но легко,
 Стройна подъ ношею своей
 Какъ тополь, царь ея полей...
 Недалеко, въ прохладной мглѣ,
 Казалось, приросли къ скалѣ
 Двѣ сакли дружною четой;
 Надъ плоской кровлею одной
 Дымокъ струился голубой.
 Я вижу, будто-бы теперь,
 Какъ отперлась тихонько дверь
 И затворилась опять...
 — Тебѣ, я знаю, не понять

Мою тоску, мою печаль;
 И если бь могъ, — мнѣ было бь жаль:
 Воспоминанья тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

XIV.

„Грудами noci изнурѣнъ,
 Я легъ въ тѣни. Отраднѣй сонъ
 Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
 И снова видѣлъ я во снѣ
 Грузинки образъ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя заныла грудь.
 Я долго силился вздохнуть —
 И пробудился. Ужъ луна
 Вверху сіяла, и одна
 Лишь тучка кралася за ней
 Какъ за добычею своею,
 Объятыя жадныя раскрывъ.
 Мнѣ темень была и молчаливъ;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цѣпи снѣговой
 Вдали сверкали предо мной,
 Да въ берега плескалъ потокъ.
 Въ знакомой саклѣ огонѣкъ
 То трепеталъ, то снова гасъ:
 На небесахъ въ полночный часъ
 Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
 Хотѣлось мнѣ... но я туда
 Войти не смѣлъ. Я цѣль одну,
 Пройти въ родимую страну,
 Имѣлъ въ душѣ, — и превозмогъ
 Страданье голода, какъ могъ.
 И вотъ дорогою прямою
 Пустился, робкій и нѣмой.
 Но скоро въ глубинѣ тѣсной

Изъ виду горы потеряль
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

XV.

„Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И миллиономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ иступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

XVI.

„Ты помнишь дѣтскіе года:
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плавающий средь небесъ!

Озарена его лучомъ,
 Покрыта мохомъ и пескомъ,
 Непроницаемой стѣной
 Окружена, передо мной
 Была поляна. Вдругъ по ней
 Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
 Промчались искры... и потомъ
 Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
 Изъ чащи выскочилъ и лёгъ,
 Играя, навзничъ на песокъ.
 То былъ пустыни вѣчный гость —
 Могучій барсъ. Сырую кость
 Онъ грызъ и весело визжалъ;
 То взоръ кровавый устремлялъ,
 Мотая ласково хвостомъ,
 На полный мѣсяцъ, — и на немъ
 Шерсть отливалась серебромъ.
 Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
 Минуту битвы; сердце вдругъ
 Зажглося жаждою борьбы
 И крови... да, рука судьбы
 Меня вела инымъ путемъ...
 Но нынче я увѣренъ въ томъ,
 Что быть бы могъ въ краю отцовъ
 Не изъ послѣднихъ удалцовъ.

XVII.

„Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
 Врага почуялъ онъ, и вой
 Протяжный, жалобный какъ стонъ,
 Раздался вдругъ... и началъ онъ
 Серdito лапой рыть песокъ,
 Всталъ на дыбы, потомъ прилёгъ,
 И первый бѣшеный скачокъ
 Миѣ страшной смертію грозилъ...
 Но я его предупредилъ.

Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
 Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
 Широкий лобъ его разсѣкъ...
 Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
 И опрокинулся. Но вновь, —
 Хотя лила изъ раны кровь
 Густой, широкою волной, —
 Бой закипѣлъ, смертельный бой!

XVIII.

„Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
 Но въ горло я успѣлъ воткнуть
 И тамъ два раза повернуть
 Мое оружье... Онъ завылъ,
 Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
 И мы, слетаясь, какъ пара змѣй,
 Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
 Упали разомъ, и во мглѣ
 Бой продолжался на землѣ.
 И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
 Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
 Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
 Какъ будто самъ я былъ рожденъ
 Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
 Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ,
 Казалось, что слова людей
 Забылъ я — и въ груди моей
 Родился тотъ ужасный крикъ,
 Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
 Къ иному звуку не привыкъ...
 Но врагъ мой сталъ изнемогать,
 Метаться, медленнѣй дышать,
 Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
 Зрачки его недвижныхъ глазъ
 Блеснули грозно — и потомъ
 Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;”

Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

XIX.

„Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой кровью ихъ освѣжить,
И смерть на вѣки завикнуть,
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

XX.

„Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ налутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Курится началъ. Смутный гулъ
Въ долині съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ, понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей,
Что бесполезно столько дней
Я тайный замыселъ маскилъ.

Терпѣль, томился и страдалъ
 И все зачѣмъ? — чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
 При звучномъ ропотѣ дубравъ
 Блаженство вольности познавъ,
 Унести въ могилу за собой
 Тоску по родинѣ святой,
 Надеждъ обманутыхъ укоръ
 И вашей жалости позоръ!...
 Еще въ сомнѣнье погруженъ,
 Я думалъ — это страшный сонъ...
 Вдругъ дальній колокола звонъ
 Раздался снова въ тишинѣ —
 И тутъ все ясно стало мнѣ...
 О, я узналъ его тотчасъ!
 Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
 Стоялъ видѣнья сновъ живыхъ
 Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
 Про волю дикую степей,
 Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
 Про битвы чудныя межъ скалъ,
 Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ...
 И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
 Казалось, звонъ тотъ выходилъ
 Изъ сердца, — будто кто нибудь
 Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
 И смутно понялъ я тогда,
 Что мнѣ на родину слѣда
 Не проложить ужъ никогда.

XXI.

„Да, заслужилъ я жребій мой!
 Могучій конь въ степи мужой,
 Плохаго сбросивъ сѣдока,
 На родину издалека
 Найдеть прямой и краткій путь...

Чтб я предъ нимъ? Напрасно грудь
 Полна желаньемъ и тоской:
 Тб жаръ безсильный и пустой,
 Игра мечты, болѣзнь ума.
 На мнѣ печать свою тюрьма
 Оставила... Таковъ цвѣтокъ
 Темничный: выросъ одинокъ
 И влѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ,
 И долго листьевъ молодыхъ
 На распускаль, все ждалъ лучей
 Живительныхъ. И много дней
 Прошло, и добрая рука
 Печалью тронулась цвѣтка,
 И былъ онъ въ садъ перенесѣнъ,
 Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
 Дышала сладость бытія...
 Но чтб жъ? Едва взонла заря.
 Палящій лучъ ея обжогъ
 Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII.

„И, такъ его, палилъ меня
 Огонь безжалостнаго дня.
 Напрасно пряталъ я въ траву
 Мою усталую главу;
 Изсохшій листь ея вѣнцомъ
 Терновымъ надъ моимъ челомъ
 Свивался, — и въ лицо огнемъ
 Сама земля дышала мнѣ.
 Сверкая быстро въ вышинѣ,
 Кружились искры, съ бѣлыхъ скалъ
 Струился паръ. Миръ Божій спалъ,
 Въ оцѣпенѣннн глухомъ,
 Отчаянья тяжелымъ сномъ.
 Хотя бы крикнуть коростель,
 Иль стрекозу живая гредь

Послышалась, или ручья
 Ребячій лепеть... Лишь змѣя,
 Сухимъ бурьяномъ шелется,
 Сверкая желтою спиной,
 Какъ будто надписью златой
 Покрытый до низу клинокъ,
 Бразда разсыпчатый песокъ,
 Скользила бережно; потомъ,
 Играя, нѣжася на немъ,
 Тройнымъ свивалася кольцомъ;
 То будто вдругъ обожжена,
 Металась, прыгала она
 И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

XXIII.

„И было все на небесахъ
 Свѣтло и тихо. Сквозь пары
 Вдали чернѣли двѣ горы.
 Нашъ монастырь изъ-за одной
 Сверкаль зубчатою стѣной.
 Внизу Арагва и Кура,
 Обвивъ каймой изъ серебра
 Подошвы свѣжихъ острововъ,
 По корнямъ шепчущихъ кустовъ
 Бѣжали дружно и легко...
 До нихъ мнѣ было далеко!
 Хотѣлъ я встать — передо мной
 Все закружилось съ быстротой;
 Хотѣлъ кричать — языкъ сухой
 Беззвученъ и недвижимъ былъ...
 Я умиралъ. Меня томилъ
 Предсмертный бредъ.

Казалось мнѣ,
 Что я лежу на влажномъ днѣ
 Глубокой рѣчки — и была
 Кругомъ таинственная мгла.

И, жажду вѣчную поя,
 Какъ ледъ холодная струя,
 Журча, вливалась мнѣ въ грудь,
 И я боялся лишь заснуть, —
 Такъ было сладко, любо мнѣ...
 А надо мною въ вышинѣ
 Волна тѣснилася къ волнѣ
 И солнце сквозь хрусталь волны
 Сіяло сладостнѣй луны...
 И рыбокъ пестрая стада
 Въ лучахъ играли иногда,
 И помню я одну изъ нихъ:
 Она привѣтливѣй другихъ
 Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
 Была покрыта золотой
 Ея спина. Она вилась
 Надъ головою моею не разъ,
 И взоръ ея зеленыхъ глазъ
 Былъ грустно нуженъ и глубокъ...
 И надивиться я не могъ:
 Ея сребристый голосокъ
 Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
 И пѣлъ, и снова замолкалъ.
 Онъ говорилъ:

„Дитя мое,
 „Останься здѣсь со мной:
 „Въ водѣ привольное житье:
 „И холодъ и покой.

*
 „Я созову моихъ сестеръ:
 „Мы пляской круговой
 „Развеселимъ туманный взоръ
 „И духъ усталый твой.

„Усни; постель твоя мягка,
 „Прозраченъ твой покровъ.
 „Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
 „Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

„О, милый мой! не утаю,
 „Что я тебя люблю,
 „Люблю какъ вольную струю,
 „Люблю какъ жизнь мою...”

„И долго, долго слушалъ я;
 И мнилось, звучная струя
 Сливала тихій ронотъ свой
 Съ словами рыбки золотой,
 Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
 Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
 Безсилью тѣла уступилъ...”

XXIV.

„Такъ я найденъ и поднять былъ...
 Ты остальное знаешь самъ.
 Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
 Или не вѣрь, мнѣ все равно.
 Меня печалитъ лишь одно:
 Мой трупъ холодный и вѣмой
 Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
 И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
 Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
 Вниманье скорбное ничье
 На имя темное мое.

XXV.

„Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
 Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
 Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
 Таяся, жилъ въ груди моей;
 Но нынѣ нищи нѣтъ ему,
 И онъ прожогъ свою тюрьму,
 И возвратится вновь къ Тому,
 Кто всѣмъ законной чередой
 Даетъ страданье и покой...

XXVI.

„Когда я стану умирать,
 И, вѣрь, тебѣ не долго ждать —
 Ты перенести меня вели
 Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
 Акаціи бѣлыхъ два куста...
 Трава межъ ними такъ густа,
 И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
 И такъ прозрачно золотистъ
 Играющій на солнцѣ листъ!
 Тамъ положить вели меня.
 Сіянемъ голубаго дня
 Упьюся я въ послѣдній разъ.
 Оттуда видѣнъ и Кавказъ!
 Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
 Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
 Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
 И близъ меня передъ концомъ
 Родной опять раздастся звукъ!
 И стану думать я, что другъ,
 Иль братъ, склонившись надо мной,

Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ-полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну..."

1840.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окружень,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
 При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькають образы бездушные людей —
 Приличьемъ стянутыя маски,

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
 Давно-безтрепетныя руки, —
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
 Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться, — памятью къ недавней старинѣ
 Лечу я вольной, вольной птицей;

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей:

Зеленой сѣтью травъ подернутъ снѣжій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встають
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумять подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснить ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю.
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сѣянье.

Такъ царства дивнаго всеильный господинъ —
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою —
На праздникъ нѣзванную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЬЕСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки-баю.
 Тихо смотришь мѣсяцъ ясный
 Въ колыбель твою.
 Стану сказывать я сказки,
 Пѣсенку спою;
 Ты жъ дремли, закрывши глазки,
 Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
 Плещетъ мутный валъ;
 Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
 Точитъ свои кинжалъ;
 Но отецъ твой — старый воинъ,
 Закаленъ въ бою;
 Спи малютка, будь спокоенъ,
 Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, — будетъ время, —
 Бранное житье;
 Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
 И возмешь ружье.
 Я сѣдельце боевое
 Шолкомъ разошью...
 Спи, дитя мое родное,
 Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
 И казакъ душой,
 Провожать тебя я выйду, —
 Ты махнешь рукой...

Сколько горькихъ слезъ украдкой
 Я въ ту ночь пролью!...
 Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
 Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
 Безутѣшно ждать;
 Стану цѣлый день молиться,
 По ночамъ гадать;
 Стану думать, что скучаешь
 Ты въ чужомъ краю...
 Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
 Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
 Образокъ святой;
 Ты его, моляся Богу,
 Ставь передъ собой,
 Да, готовясь въ бой опасный,
 Помни мать свою...
 Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки-баю.

ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиною къ камину. Журналистъ входитъ

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я очень радъ, что вы больны:
 Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
 Теряетъ скоро умъ поэта
 Свои божественныя силы.
 Среди различныхъ впечатлѣній,
 На мелочь душу размѣнявъ,
 Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
 Когда ему въ пылу забавъ
 Обдумать зрѣлое творенье?...
 За то какая благодать,
 Коль Небо вздумаетъ послать
 Ему изгнанье, заточенье,
 Иль даже долгую болѣзнь:
 Тотчасъ въ его уединеньи
 Раздастся сладостная пѣснь!
 Порою влюбляется онъ страстно
 Въ свою нарядную печаль...
 Ну, что вы пишете? нельзя ль
 Узнать? <http://rcin.org.pl>

ПИСАТЕЛЬ.

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и Югъ
 Давно описаны, воспѣты;
 Толпу ругали всѣ поэты,
 Хвалили всѣ семейный кругъ;
 Всѣ въ небеса неслись душою,
 Взывали съ тайною мольбою
 Къ N. N., невѣдомой красѣ, —
 И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу — нужна отвага
 Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
 (Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ):
 Во-первыхъ, сѣрая бумага,
 Она, быть можетъ, и чиста,
 Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
 Читаешь — сотни опечатокъ!
 Стихи — такая пустота;
 Слова безъ смысла, чувства нѣту,
 Натянутъ каждый оборотъ;
 Притомъ — сказать ли по секрету?
 И въ приемахъ часто недочетъ.
 Возьмешь ли прозу? — переводъ.

А если вамъ и попадутся
 Разказы на родимый ладъ,
 То вѣрно надъ Москвой смѣются,
 Или чиновниковъ бранятъ.
 Съ кого они портреты пишутъ?
 Гдѣ разговоры эти слышутъ?
 А если и случалось имъ,
 Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
 Когда же на Руси безплодной,
 Разставшись съ ложной мишурой,
 Мысль обрѣтетъ явыкъ простой,
 И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то же говорю,
 Какъ вы, открыто негодуя,
 На музу русскую смотрю я,
 Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападкы
 На прифтъ, вишѣтки, опечаткы,
 Намеки тонкіе на те,
 Чего не вѣдаетъ никто.
 Хотя бъ забавно было свѣту!...
 Въ чернилахъ вашихъ, господа,
 И желчи ѣдкой даже нѣту —
 А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
 Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
 Я былъ бы вовсе не браниться.

Да какъ же быть?... меня бранить!
 Войдите въ наше положенье!
 Читаетъ насъ и низшій кругъ:
 Нагая рѣзкость выраженья
 Не всякій оскорбляетъ слухъ;
 Приличье, вкусъ — все такъ условно;
 А деньги всё вѣдь платятъ ровно!
 Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
 Даны намъ тяжкія вериги.
 Скажите, каково прочесть
 Весь этотъ вздоръ, всё эти книги, —
 И все зачѣмъ? чтобъ вамъ сказать,
 Что ихъ ненадобно читать.

ЧИТАТЕЛЬ.

За то какое наслажденье,
 Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
 Коль попадется какъ-нибудь
 Живое, свѣтлое творенье!
 Вотъ, на примѣръ, пріятель мой:
 Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ,
 И чувствъ и мыслей полнотою
 Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
 Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
 Когда заботъ спадаетъ бремя, —
 Дни вдохновеннаго труда.

Когда и умъ и сердце полны,
 И приемы дружныя, какъ волны,
 Журча, одна во слѣдъ другой
 Несутся вольной чередой.
 Восходитъ чудное свѣтило
 Въ душѣ проснувшейся едва;
 На мысли дышащія силой,
 Какъ жемчугъ низутся слова...
 Тогда съ отвагою свободной
 Поэтъ на будущность глядитъ,
 И мѣръ мечтою благородной
 Предъ нимъ очищепъ и обмытъ.
 Но эти странныя творенья
 Читаетъ дома онъ одинъ,
 И ими послѣ, безъ задрѣнья,
 Онъ затопляетъ свой каминъ.
 Ужель ребяческія чувства,
 Воздушный, безотчетный бредъ
 Достойны строгаго искусства?
 Ихъ осмѣть, забудеть свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:

Безъ сна, горять и плачуть очи,
 На сердцѣ — жадная тоска;
 Дрожа, холодная рука
 Подушку жаркую объемлетъ;
 Невольный страхъ власы подъемлетъ;
 Болѣзненный безумный крикъ
 Изъ груди рвется — и языкъ
 Лепечегъ громко, безъ сознанья,
 Давно забытыя названья;
 Давно забытыя черты
 Въ сіяньи прежней красоты
 Рисуетъ память своевольно:
 Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ —
 И вѣришь снова имъ невольно,
 И какъ-то весело и больно
 Тревожить язвы старыхъ ранъ...
 Тогда пишу, диктую совѣсть,

Перомъ сердитымъ водить умъ;
 То соблазнительная повѣсть
 Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
 Картины хладныя разврата,
 Преданья глухихъ юныхъ дней,
 Давно безъ пользы и возврата
 Погибшихъ въ омутѣ страстей,
 Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
 Среди обманщицъ и невѣждъ,
 Среди сомнѣній ложно черныхъ
 И ложно радужныхъ надеждъ.
 Судья безвѣстный и случайный,
 Не дорожа чужою тайной,
 Приличьемъ скрашенный порокъ
 Я смѣло предаю позору;
 Неумолимъ я и жестокъ...
 Но, право, этихъ горькихъ строкъ
 Неприготовленному взору
 Я не рѣшуся показать...
 Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
 Къ чему толпы неблагодарной
 Мнѣ злость и ненависть навлечь, —
 Чтобъ бранью назвали коварной
 Мою пророческую рѣчь?
 Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
 Смутилъ ребенка сонъ спокойной
 И сердце слабое увлѣкъ
 Въ свой необузданный потокъ?
 О, нѣтъ! преступною мечтою
 Не ослѣпляя мысль мою,
 Такой тяжелою цѣною
 Я вашей славы не куплю...

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

(ИЗЪ ЗЕЙДЛИЦА.)

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснуть въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумять,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сышучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаеъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
 Очнувшись, является вдругъ ;
 На немъ треугольная шляпа
 И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
 Главу опустивши на грудь,
 Идетъ и къ рулю онъ садится
 И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
 Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
 Оставилъ наследника-сына,
 И старую гвардію онъ.

И только-что земли родную
 Завидитъ во мракѣ nocturno,
 Опять его сердце трепещетъ
 И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
 Онъ смѣло и прямо идетъ,
 Собратьщиковъ громко онъ кличетъ
 И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
 Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
 Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
 Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ ;
 Иные погибли въ бою,
 Другіе ему измѣнили
 И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
 Серdito онъ, взадъ и впередъ

По тихому берегу ходить,
И снова онъ громко зоветь:

Зоветь онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —

Стоитъ онъ и тяжело вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всё лучшие годы!

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
 А вѣчно любить невозможно.
 Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
 И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
 Что страсти? — вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
 Исчезнетъ при словѣ разсудка;
 И жизнь, какъ помотришь съ холоднымъ вниманьемъ
 Вокругъ —
 Такая пустая и глухая шутка

РЕБЕНКУ.

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
 Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
 Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
 О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
 Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
 И быстрые глаза, и кудри золотыя;
 И звонкій голосокъ! — Не правда ль, говорятъ,
 Ты на нее похомъ? — Увы! года летятъ;
 Страданія ее до срока измѣнили,
 Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
 Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
 Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
 Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
 Не слишкомъ часто ль я твои цалую глазки?
 Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
 Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
 Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
 Ребяческій разсказъ разсердить иль встревожить...

Не мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
 Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
 Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
 И въ знаменье креста персты твои сжимала,
 И всѣ знакомыя, родныя имена
 Ты повторялъ за ней, — скажи, тебя она
 Ни за кого молиться не учила?
 Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
 Названіе, теперь забытое тобой...
 Не вспоминай его... Что имя? — звукъ пустой!
 Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
 Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
 Узнаешь ты его, — ребяческіе дни
 Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

ОТЪ ЧЕГО.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
 И знаю: молодость цвѣтущую твою
 Не пощадить молвы коварное гоненье.
 За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
 Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
 Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все тебя благодарю я :
 За тайныя мученія страстей,
 За горечь слезъ, отраву поцалуя,
 За мечь враговъ и клевету друзей :
 За жаръ души, растроченный въ пустынѣ,
 За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
 Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
 Недолго я еще благодарилъ.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Горныя вершины
 Спятъ во тьмѣ ночной ;
 Тихія долины
 Полны свѣжей мглой ;
 Не пылитъ дорога,
 Не дрожать листы...
 Подожди немного,
 Отдохнешь и ты.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
 Стенью лазурною, цѣпью жемчужною
 Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
 Съ милого сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонить: судьбы ли рѣшеніе?
 Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
 Или на насъ тяготитъ преступленіе?
 Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
 Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
 Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
 Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

СОСНА.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
 На голой вершинѣ сосна,
 И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
 Одѣта, какъ ризой, она.
 И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
 Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
 Одна и грустна на утесѣ горючемъ
 Прекрасная пальма растетъ.

* * *

На свѣтскія цѣни,
 На блескъ уопительный бала
 Цвѣтушія стени
 Украйны она промѣняла.

Но юга родного
 На ней сохранились примѣты,
 Среди ледяного,
 Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
 Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ, —
 Исполнены тайны
 Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
 Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
 Какъ вѣтеръ пустыни,
 И нѣжатъ и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
 Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
 И солнца отливы
 Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
 Печальной отчизны примѣру,
 Въ надежду на Бога.
 Хранить она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
 У чуждыхъ опоры не просить,
 И въ гордомъ покоѣ
 Насмѣшку и зло переносить.

Отъ дерзкаго взора
 Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ,
 Полюбить не скоро,
 Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Пускай холодною землею
 Засыпанъ я,
 О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
 Душа моя.
 Любви безумнаго томленья,
 Жилецъ могилъ,
 Въ странѣ покоя и забвенья,
 Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
 Покинувъ свѣтъ,
 Отрады ждалъ я отъ разлуки —
 Разлуки нѣтъ,
 Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
 И тосковалъ,
 Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
 Не узнавалъ.

.....
 Я перенесъ земныя страсти

Туда съ собой:

Ласкаю я мечту родную

Вездѣ одну;

Желаю, плачу и ревную,

Какъ встарину.

Коснется ль чуждое дыханье

Твоихъ ланитъ,

Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ

Вся задрожитъ,

Случится ль — шепчешь, засыная,

Ты о другомъ;

Твои слова текутъ, пылая,

По мнѣ огнѣмъ.

Ты не должна любить другога,

Нѣтъ, не должна;

Ты мертвецу святыней слова

Обручена.

Увы! твой страхъ, твои моленья,

Къ чему онѣ?

Покоя, мира и забвенья

Не надо мнѣ!

1841.

Есть рѣчи, — значенье
Темно или ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепеть свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскаго
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово; *

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду*;

* Три послѣднія строфы, по другому списку читаются такъ:

Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепеть свиданья...

Не кончивъ молитвы,
 На звукъ тогъ отвѣчу
 И брошусь изъ битвы
 Ему я на встрѣчу.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Наединѣ съ тобою, братъ,
 Хотѣлъ бы я побыть:
 На свѣтѣ мало, говорятъ,
 Миѣ остается жить!
 Поѣдешь скоро ты домой:
 Смотри жъ... Да чтó! моей судьбой,
 Сказать по правдѣ, очень
 Никто не озабоченъ.

А если спросить кто-нибудь...
 Ну, кто бы ни спросилъ, —
 Скажи имъ, что на-вылетъ въ грудь
 Я пулей раненъ былъ;

Ихъ краткимъ привѣтомъ
 Едва онъ домчится,
 Какъ Божиимъ свѣтомъ
 Душа озарится.

Средь шума мірскова,
 И гдѣ я ни буду,
 Я сердцемъ то слово
 Узнаю повсюду.

Что умеръ честно за царя,
 Что плохи наши лекаря,
 И что родному краю
 Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
 Застанешь ты въ живыхъ...
 Признаться, право, было бь жалъ
 Мнѣ опечалить ихъ;
 Но если кто изъ нихъ и живъ,
 Скажи, что я писать лѣнивъ,
 Что полкъ въ походъ послали,
 И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
 Какъ вспомнишь, какъ давно
 Разстались... обо мнѣ она
 Не спроситъ... Все равно,
 Ты расскажи всю правду ей,
 Пустого сердца не жалѣй;
 Пускай она поплачетъ...
 Ей ничего не значитъ!

О П Р А В Д А Н І Е .

Когда одни воспоминанья
 О заблужденіяхъ страстей,
 На мѣсто славнаго названья,
 Твой другъ оставитъ межъ людей, —

И будетъ спать въ землѣ безгласно
 То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
 Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
 Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
 Ты смолкнешь, голову склоня,
 И будетъ для тебя позоромъ
 Любовь безгрѣшная твоя: —

Того, кто страстью и порокомъ
 Затмилъ твои молодые дни,
 Молю, язвительнымъ упрекомъ
 Ты въ оный часъ не помяни.

Но предъ судомъ толпы лукавой
 Скажи, что судить васъ Иной,
 И что прощать святое право
 Страданьемъ куплено тобой.

Р О Д И Н А.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
 Не побѣдить ея разсудокъ мой.
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордаго довѣрія покой,
 Ни темной старины завѣтныя преданья,
 Не шевелятъ во мнѣ отраднанаго мечтающаго.

Но я люблю — за что, не знаю самъ —
 Ея степей холодное молчанье,
 Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
 Разливы рѣкъ ея, подобныя морямъ;
 Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
 И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
 Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
 Дрожащія огни печальныхъ деревень.
 Люблю дымокъ спаленной жнивы,
 Въ степи кочующій обозъ,
 И на холмѣ, средь желтой нивы,
 Чету бѣлѣющихъ березъ,
 Съ отрадой, многимъ незнакомой,
 Я вижу полное гумно,
 Избу, покрытую соломой,
 Съ рѣзными ставнями окно;
 И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
 Смотрѣть до полночи готовъ
 На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
 Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
 И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
 Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій

Въ изгнаньѣ мрачномъ и въ цѣняхъ;
 Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
 Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
 И вздорная толпа, довольная собою,
 Гордится, прошлое забывъ, —

Негодованію и чувству давъ свободу,
 Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ
 Миѣ хочется сказать великому народу:

Ты жалкій и пустой народъ!

Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, гений,
 Все, все великое, священное земли,
 Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
 Тобой растоптано въ пыли.

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
 Изъ вольнесви — орудье палача,
 И всё заветныя отцовскія повѣрья

Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча, —

Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
 Отмѣченныи божественнымъ перстомъ,

И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,

И ваша жизнь слилася въ немъ, —

И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,

И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ

На ризу чудную могущества и славы,

Которой васъ онъ одѣвалъ.

Одинъ, — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,

Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,

Въ стѣняхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,

Въ сибгахъ пылающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,

Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?

Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,

Точили въ темнотѣ кинжалъ!

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,

Въ испугѣ не цѣнявъ позора своего,

Какъ женщина, ему вы измѣнили

И, какъ рабы, вы предали его!

Лишенный правъ и мѣста гражданина,

Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,

И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына —

Вы сына выдали врагамъ!

Тогда, отяготивъ позорными цѣнями,

Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ —

И на чужой скалѣ, за синими морями,
 Забытый, онъ угасъ одинъ —
 Одинъ, замученъ мщеніемъ бесплоднымъ,
 Безмолвною и гордою тоской,
 И, какъ простой болдаты, въ плащѣ своемъ походномъ
 Зарытъ наемною рукой...

*

Но годы протекли, и вѣтреное племя
 Кричитъ: „Подайте намъ священный этотъ прахъ!
 Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
 Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣпахъ!“
 И возвратился онъ на родину. Безумно,
 Какъ прежде, вокругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
 И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
 Остатки тлѣнные кладутъ.
 Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
 И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ.
 Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
 Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

*

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
 Нарушена святая тишина
 Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
 Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!
 И если духъ вождя примчится на свиданье
 Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
 Какое въ немъ негодованье
 При этомъ видѣ закипитъ!
 Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
 О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
 Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
 Какъ онъ великій, океанъ!

К И Н Ж А Л Ъ .

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый Грузинъ на мѣсть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ Черкесь свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя предъ трепетомъ огня,
То вдругъ тускиѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не бесполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча сижу подь окошкомъ темницы.
 Синее небо отсюда мнѣ видно:
 Въ небѣ играютъ всё вольныя птицы,
 Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
 Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
 Помню я только старинныя битвы,
 Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
 Каменный шлемъ мою голову давить,
 Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
 Конь мой бѣжить, и никто имъ не править.

Быстрое время — мой конь неизмѣнный,
 Шлема забрало — рѣшетка бойницы,
 Каменный панцырь — высокія стѣны,
 Щитъ мой — чугуныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
 Душно подь новой броней мнѣ стало!
 Смерть, какъ пріѣдемъ, поддержитъ мнѣ стремя;
 Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
 Въ туманѣ моря голубомъ...
 Чтò ищетъ онъ въ странѣ далекой?
 Чтò кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
 И мачта гнется и скрипитъ...
 Увы, онъ счастья не ищетъ,
 И не отъ счастья бѣжить!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
 Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
 А онъ, мятежный, проситъ бури,
 Какъ будто въ буряхъ есть покой!

ЖЕЛАНІЕ.

Отворите мнѣ темницу,
 Дайте мнѣ сіянье дня,
 Черноглазую дѣвицу,
 Черногриваго коня!
 Дайте разъ по синю полю
 Проскакать на томъ конѣ;

Дайте разъ на жизнь и волю,
 Какъ на чуждую мнѣ долю,
 Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
 Съ полусгнившею скамьей,
 Парусъ сѣрый и косматый,
 Ознакомленный съ грозой:
 Я тогда пушуся въ море,
 Беззаботенъ и одинъ,
 Разгуляюсь на просторѣ
 И потѣшусь въ буйномъ морѣ
 Съ дикой прихотью пучинъ,

Дайте мнѣ дворецъ высокій
 И кругомъ зеленый садъ,
 Чтобъ въ тѣни его широкой
 Зрѣлъъ янтарный виноградъ,
 Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
 Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
 И меня, въ мечтаньяхъ рая,
 Хладной пылью орошая,
 Усыплялъ и пробуждалъ...

СОСѢДКА.

Не дожидаться мнѣ видно свободы,
 А тюремные дни будто годы;
 И окно высоко надъ землей,
 А у двери стоитъ часовой.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
 Кабы не было милой сосѣдки...
 Мы проснулись сегодня съ зарей:
 Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ насъ, сдружила неволя,
 Познакомила общая доля,
 Породнило желанье одно,
 Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
 Волю дамъ ненасытному взгляду, —
 Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
 Занавѣска подыметъ вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
 Опустилась на ручку головка,
 А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
 Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
 И сидитъ она, долго вздыхая,
 Видно буйную думу тая:
 Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
 Захоти лишь — отворится клѣтка,
 И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
 Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
 Сторожей за пирушку усадишь:
 А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
 Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
 Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
 Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
 На окно полосатый платокъ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣниемъ
 Нашъ неразгаданный союзъ,
 Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
 Ты лишена семейныхъ узъ.

Но передъ идолами свѣта
 Не гну колѣни я мои;
 Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
 Ни сильной злобы, ни любви.

Какъ ты, кружусь въ весельѣ шумномъ,
 Не отличая никого:
 Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
 Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ,
 Людей привыкли мы цѣнить;
 Себѣ мы оба не измѣнимъ,
 А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
 Сошлись и разойдемся вновь.
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали.

* * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
 Прощались позднею порою?
 Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
 И мы съ волненіемъ внимали...
 Тогда лучи ужъ догорали
 И на морѣ туманъ густѣлъ;
 Ударъ съ усиліемъ промчался
 И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
 Я часто о тебѣ мечтаю;
 Бродя въблизи пустынныхъ водъ,
 Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
 И между тѣмъ какъ чередой
 Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
 Я плачу, я томимъ тоской,
 Я умереть желаю съ ними...

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
 Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
 Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
 И улыбались лукавыя уста:

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
 И дѣвственныхъ ланитъ и шею бѣлизну.
 Счастливецъ! видѣлъ я и доконъ своевольный,
 Родныхъ кудрей покинувшей волну!...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
 По легкимъ признакамъ красавицу мою,
 И съ той поры безплодное видѣнье
 Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
 Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
 И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
 Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
 Не стѣбитъ онъ безумной муки.
 Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
 Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
 И мало ль въ Грузіи у насъ
 Прекрасныхъ юношей найдется?
 Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
 И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
 Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
 Онъ ищетъ славы и войны. —
 И что жъ онъ могъ найти съ тобою?
 Тебя онъ заготовилъ дарить.

Клялся, что вѣчно не измѣнитъ,
Онъ ласки дорого цѣнилъ —
Но слезъ твоихъ онъ не одѣнитъ!

* * *

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ без-
пощадно;

Но ежедневно на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.

Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался
въ то время

Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ
доживая;

Богъ его въ людяхъ Своей благодатью прославилъ.

Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ
тѣлесныхъ

И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,

Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званія, — съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.

Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... — „Вотъ ужъ два дня
и двѣ ночи“ —

Такъ она говорила, — „мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ
хладномъ,

Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все без-
полезно!

Если бъ зналъ тыVirginію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ

Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя
кудри,

На темныя очи ея — молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ головой, осторожно тро-
пинкой

Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала ис-
кусствомъ,

Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ
утѣшала.

Только въ последнее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой,
Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При
свѣтѣ

Поздней лампы я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ
Тихо, усердно и долго молилась... кому?... неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...
.....*

КАЗБЕКУ.

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о, стражъ Востока! —
Привезъ я, странникъ, свой поклонъ.

* Неокончено. <http://rcin.org.pl>

Чалмою бѣлою отъ вѣка
 Твой лобъ наморщенный увить,
 И гордый ропотъ челоуѣка
 Твой гордый міръ не возмутить.

Но сердца тихаго моленье
 Да отнесуть твои скалы
 Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье —
 Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
 На знойный долъ и пыльный путь,
 Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
 На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
 Гремя въ нарядѣ боевомъ,
 Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
 Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье...
 Боюсь сказать... душа дрожить...
 Чтб... если я со дня изгнанья
 Совсѣмъ на родинѣ забыть!

Найду ль тамъ прежнія объятья?
 Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
 Узнаютъ ли друзья и братья
 Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
 Я наступлю на прахъ родной
 Тѣхъ добрыхъ, пыльныхъ, благородныхъ,
 Дѣлившихъ молодость со мной?

О! если такъ... своей мятелью,
 Казбекъ, засыпъ меня скорѣй,
 И прахъ бездомный по ущелю
 Безъ сожалѣнія развѣй!

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
 Мою таинственную повѣсть,
 Какъ я любилъ, за что страдалъ:
 Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
 У нихъ попросить сожалѣнья, —
 И пусть меня накажетъ тотъ,
 Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
 Души высокой не печалитъ;
 Пускай шумитъ волна морей, —
 Утесъ гранитный не повалитъ.

Его чело межъ облаковъ;
 Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
 И, кромѣ бури да громовъ,
 Онъ никому не вѣритъ думы.

Гляжу на будущность съ боязнью,
 Гляжу на прошлое съ тоской,
 И, какъ преступникъ передъ казнью,
 Ищу кругомъ души родной,
 Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
 Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
 Надеждамъ юности моей?
 Придетъ ли вѣстникъ избавленья
 Открыть мнѣ жизни назначенье,
 Цѣль упованій и страстей?
 Землѣ я отдаю дань земную

Любви, надеждъ, добра и зла.
 Начать готовъ я жизнь другую...
 Молчу и жду... Пора пришла.
 Я въ мѣрѣ не оставлю брата;
 И тьмой и холодомъ объята
 Душа усталая моя.
 Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
 Она увяла въ буряхъ рока
 Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Не смѣйся надъ моею пророческой тоскою,
 Я знаю, — ударъ судьбы меня не обойдетъ, —
 Я знаю, что голова, любимая тобою,
 Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
 Я говорилъ тебѣ: ни счастья, ни славы
 Мнѣ въ мѣрѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
 И я паду, — и хитрая вражда
 Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній.*
 И я погибну безъ слѣда
 Моихъ надеждъ, моихъ мученій...

Но я безъ страха жду довременный конецъ;
 Давно пора мнѣ мѣръ увидѣть новый.
 Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
 Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый —
 Пускай! я имъ не дорожилъ!...*

* Неокончено.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕНЕЙ КОЗЛОВА.

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
 Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
 Притоны ангеламъ своимъ;
 Иль Дивы, словомъ роковымъ,
 Отъной умѣли такъ высоко
 Громады скалъ нагромоздить,
 Чтобъ путь на сѣверъ заградить
 Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
 Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
 То не пожаръ ли Царяграда?
 Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
 Тебя, полночная лампада,
 Маякъ спасительный, отрада
 Плывающихъ по морю свѣтиль?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
 Бушуетъ вѣчная мятель;
 Потоконъ видѣлъ колыбель,
 Дохнулъ — и мерзнулъ паръ дыханья.
 Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
 Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
 И дремлетъ громъ надъ глубиною,

И тамъ, гдѣ надъ моею чалмою
 Одна сверкала лишь звѣзда, —
 То Чатырдагъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ.

А!... —

БѢГЛЕЦЪ.

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣ лани,
 Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
 Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
 Гдѣ кровь черкесская текла.
 Отецъ и два родные брата
 За честь и вольность тамъ легли, —
 И подъ пятой у супостата
 Лежать ихъ головы въ пыли.
 Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
 Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
 Онъ растерялъ въ пылу сраженья
 Винтовку, шашку, и бѣжитъ.
 И скрылся день; клубясь, туманы
 Одѣли темныя поляны
 Широкой бѣлой пеленой.
 Пахнуло холодомъ востока
 И надъ пустынею пророка,

Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
 Усталый, жаждою томимый,
 Съ лица стирая кровь и потъ,
 Гарунъ межъ скалъ ауль родимый
 При лунномъ свѣтѣ узнаеть.
 Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
 Кругомъ молчанье и покой.
 Съ кровавой битвы, невредимый
 Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
 И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
 Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ — дома.
 Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
 Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
 Селима звалъ онъ прежде другомъ;
 Старикъ пришельца не узналъ.
 На ложѣ мучимый недугомъ,
 Одинъ, онъ молча умиралъ.
 „Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
 Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
 Велѣлъ беречь тебя для славы...
 Что новаго?...“ спросилъ Селимъ,
 Поднявъ слабѣющія вѣжды.
 И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
 И онъ привсталъ, и кровь бойца
 Вновь разыгралась въ часъ конца.
 — Два дня мы билися въ тѣснинѣ;
 Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
 И скрылся я, одинъ въ пустынѣ.
 Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
 Съ окровавленными ногами
 Отъ острыхъ камней и кустовъ,
 Я шелъ безвѣстными тропами
 По слѣду вепрей и волковъ.
 Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
 Прими меня, мой старыи другъ,
 И, вотъ пророкъ! — твоихъ заслугъ
 Я до могилы не забуду.
 А умирающій въ отвѣтъ:

„Ступай, достоинъ ты презрѣнья!
 Ни крова, ни благословенья
 Здѣсь у меня для труса нѣтъ.“
 Стыда и тайной муки полный,
 Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
 Стушилъ опять Гарунъ безмолвный
 За непривѣтливый порогъ.
 И саклю новую минуя,
 На мигъ остановился онъ,
 И прежнихъ дней летучій сонъ
 Вдругъ обдалъ жаромъ поцалуя
 Его холодное чело.
 И стало сладко и свѣтло
 Его душѣ; во мракѣ ночи,
 Казалось, пламенные очи
 Блеснули ласково предъ нимъ,
 И онъ подумалъ: „я любимъ,
 Она лишь мной живетъ и дышетъ...“
 И хочетъ онъ войти, — и слышитъ...
 И слышитъ пѣсню старины.
 И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

Мѣсяцъ плыветъ,
 И тихъ, и спокоенъ,
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.
 Ружье заряжаетъ джигитъ
 И дѣва ему говоритъ:
 „Мой милый, смѣлѣе
 Вѣрайся ты року.
 Молися Востоку,
 Будь вѣренъ пророку,
 Будь славѣ вѣришь.
 Своимъ измѣнивший
 Измѣной кровавой.
 Врага не сразивши,
 Погибнетъ безъ славы,
 Дожди его ранъ не обмоютъ,
 И звѣри костей не зароятъ.“

Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогнать
Красавица горъ.

Главой поникнувъ, съ быстротою
Гаруиъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гаруиъ стучится подь окномъ.
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его не одного.

„Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гаруиъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули вражія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...“

— Одинъ? —

„Одинъ!“

— А гдѣ отецъ и братья? —

„Пали.“

Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.“

— Ты отомстилъ? —

„Не отомстилъ.“

Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.“

— Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!

Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглець свободы,
Не омрачу я старыя годы.

Ты рабъ и трусъ, а мнѣ не сынъ! —

Умолкло слово отверженья,
 И все кругомъ объято сномъ.
 Проклятъя стоны и моленья
 Звучали долго подъ окномъ,
 И наконецъ ударъ кинжала
 Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
 И мать поутру увидала,
 И хладно отвернула взоръ.
 И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
 Никто къ кладбищу не отнесъ,
 И кровь его съ глубокой раны,
 Лизалъ, рыча, домашній песъ.
 Ребята малые ругались
 Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца,
 Въ преданьяхъ вольности остались
 Позоръ и гибель бѣглеца
 Душа его отъ глазъ пророка
 Со страхомъ удалилась прочь,
 И тѣнь его въ горахъ Востока
 Понынѣ бродить въ темну ночь;
 И подъ окномъ, поутру рано,
 Онъ въ саклю просится, стуча;
 Но, внемя громкій стихъ Корана,
 Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
 Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

* * *

Слѣнецъ, страдаемъ вдохновенный
 Вамъ строки чудныя писалъ,
 И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
 Воспоминаемъ оживленный.

Онъ передъ вами изливалъ,
 Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
 Какъ отголосокъ юныхъ дней,
 При первомъ звукѣ новой встрѣчи
 Его встревожили сильнѣй.
 Тогда призывательную руку
 Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
 На встрѣчу радостному звуку
 Онъ въ упоеніи простеръ.

И я повѣренный случайный
 Надеждъ и думъ его живыхъ,
 Я буду дорожить, какъ тайной,
 Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
 Я вѣрю, годы не убили,
 Изгладить даже не могли,
 Все, что вы прежде возбудили
 Въ его возвышенной груди.
 Но да сойдетъ благословенье
 На вашу жизнь за то, что вы
 Хоть на единое мгновенье
 Умѣли снять вѣнецъ мученья
 Съ его преклонной головы!

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
 Одинъ покинутый друзьями,
 И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
 Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,
 Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
 И пѣсенъ праздничныхъ и хохота гостей,
 Его слова пророчески звучали.

.....

.....

ВАЛЕРИКЪ.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
 Не знаю какъ и для чего;
 Я потерялъ ужъ это право.
 И чтó скажу вамъ? — ничего;
 Что помню васъ?... Но, Боже правый!
 Вы это знаете давно;
 И вамъ, конечно, все равно;
 И знать вамъ также нѣтъ нужды,
 Гдѣ я? чтó я? въ какой глуши?
 Душею мы другъ другу чужды...
 Да врядъ ли есть родство души!
 Страницы прошлаго читая,
 Ихъ по порядку разбирая
 Теперь остынувшимъ умомъ,
 Разувѣряюсь я во всемъ:
 Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
 Передъ собою столько лѣтъ:
 Добро бъ, еще морочить свѣтъ...
 Да и притомъ, чтó пользы вѣрить

* Неокончено.

Тому чего ужъ больше нѣтъ?
 Безумно ждать любви заочной...
 Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ
 Но я васъ помню — да и точно
 Я васъ никакъ забыть не могъ:
 Во-первыхъ, потому, что много
 И долго, долго васъ любилъ,
 Потомъ — страданьемъ и тревогой,
 За дни блаженства заплатилъ,
 Потомъ — въ раскаяньи безплодномъ
 Влачилъ я цѣнь безплодныхъ лѣтъ,
 И размышленіемъ холоднымъ
 Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ.
 Съ людьми сближаясь осторожно,
 Забылъ я шумъ молодыхъ проказъ,
 Любовь, поэзію... но васъ
 Забыть мнѣ было невозможно,
 И къ мысли этой я привыкъ;
 Мой крестъ несу я безъ роптанья:
 И то и это — наказанье!
 Не все ль одно: я жизнь постигъ,
 Судьбѣ, какъ турокъ или татаринъ,
 За все равно я благодаренъ;
 У Неба счастья не прошу
 И молча зло переношу:
 Быть можетъ, небеса Востока
 Меня съ ученьемъ ихъ пророка
 Невольно сблизили. Притомъ
 И жизнь всечасно кочевая,
 Труды, заботы ночью, днемъ,
 Все, размышленію мѣшая,
 Приводитъ въ первобытный видъ
 Больную душу, — сердце снить,
 Простора нѣтъ воображенію
 И нѣтъ работы головѣ...
 За то лежишь въ густой травѣ
 И дремлешь подъ широкой тѣнью
 Чинаръ или виноградныхъ дозъ.

Кругомъ бѣлѣются палатки;
 Казачьи тощія лошадки
 Стоять рядкомъ, повѣся носъ;
 У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
 Едва дымятся фитили,
 Попарно цѣпь стоитъ вдали,
 Штыки горятъ подъ солнцемъ Юга.
 Вотъ — разговоръ о старинѣ
 Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
 Какъ при Ермоловѣ ходили
 Въ Чечню, въ Аравію, къ горамъ,
 И какъ дрались, и какъ ихъ били...
 И вижу я, неподалеку,
 У рѣчки, слѣдуя пророку,
 Мирибѣй татаринъ свой намазъ
 Творитъ, не подымая глазъ.
 И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
 Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
 Подобный цвѣту наговицъ,
 Ихъ шашки, рукава худые,
 Ихъ томный и лукавый взоръ
 И ихъ гортанный разговоръ.

Чу! — дальній выстрѣлъ... прожужжала
 Шальная пуля... славный звукъ!...
 Вотъ крикъ... и снова все вокругъ
 Затихло. Но жара ужъ спала,
 Ведутъ коней на водопой,
 Зашевелилася пѣхота;
 Вотъ проскакалъ одинъ, другой:
 Шумъ, говоръ... „Гдѣ вторая рота?“
 „Что, выучить что ли капитанъ?“
 „Повозки!... выдвигайте живо!“
 „Савельичъ!... — ой-ли? — „дай огниво!“
 Подъемъ ударилъ барабанъ,
 Гудитъ музыка полковая,
 Между колоннами вѣзжая,
 Звенятъ орудья; генералъ

Впередъ со свитой проскакалъ:
 Разсыпались въ широкомъ полѣ.
 Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
 Ужъ показались значки
 Тамъ на опушкѣ — два и болѣ;
 А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
 Въ черкескѣ красной ѣдетъ важно,
 Конь сѣтло-сѣрый весь кипитъ:
 Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
 Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?
 Сейчасъ... смотрите: въ шапкѣ черной
 Казакъ пустился гребенской,
 Винтовку выхватилъ проворно,
 Ужъ близко... выстрѣлъ... легкой дымъ...
 „Эй вы, станичники, за нимъ!...“
 „Что, раненъ? — Ничего, бездѣлка!...“
 И завязалась перестрѣлка.
 Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
 Забавы много, толку мало;
 Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
 Мы любовались на нихъ
 Безъ кроваваго волненья,
 Какъ на трагическій балетъ;
 За то видалъ я представленья,
 Какихъ на сценѣ у васъ нѣтъ...
 Разъ, — это было подъ горами, —
 Мы проходили темный лѣсъ;
 Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
 Лазурно-яркій сводъ небесъ.
 Намъ былъ обѣщанъ бой жестокий.
 Уже въ Чечню на страшный зовъ
 Толпы стекались удалцовъ,
 Надъ допотопными лѣсами
 Мелькали маяки кругомъ —
 И дымъ ихъ то вился кругомъ.
 То разстилался облаками,
 И оживлялися лѣса,
 Скликались дико голоса

Подъ ихъ зелеными шатрами...
 Едва лишь выбрался обозъ
 Въ полянку, — дѣло началось.
 Чу! въ арьергардъ орудье просятъ,
 Изъ-за кустовъ вотъ ружья носятъ,
 За нами тащутъ и людей
 И кличутъ громко лекарей...
 И вотъ изъ лѣса, изъ опушки
 Вдругъ съ гикомъ бросились на пушки...
 И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
 Отрядъ осыпанъ; — впереди же
 Все тихо... Тамъ, между кустовъ
 Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе,
 Пустили нѣсколько гранатъ,
 Еще подвинулись... молчатъ;
 Но водъ, подъ бревнами завалы...
 Какъ будто ружья заблестали.
 Потомъ мелькнули шапки двѣ —
 И вновь все спряталось въ травѣ.
 То было грозное молчанье!
 Не долго длилося оно,
 Но въ этомъ страшномъ ожиданьи
 Забилось сердце не одно.
 Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами;
 Что нужды? здѣшніе полки
 Народъ испытанный... „Въ штыки!
 „Дружище!“ — раздалось за нами.
 Кровь загорѣлася въ груди!
 Всѣ офицеры впереди,
 Верхомъ помчался на завалы,
 Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.
 Ура! — и шапки вонъ... кинжалы...
 „Въ приклады!“ и пошла рѣзня...
 И два часа въ струяхъ потока
 Бой длился; рѣзались жестоко,
 Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
 Ручей тѣлами запрудили,
 Хотѣлъ воды я зачерпнуть,

Но мутная струясь волна
 Была тепла, была красна...

На берегу, подъ тѣнью дуба,
 Пройдя заваловъ длинный рядъ,
 Стоялъ кружокъ; одинъ солдатъ
 Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
 Казалось выраженье лицъ,
 Но слезы капали съ рѣсницъ,
 Покрытыхъ пылью, на шинели:
 Спиною къ дереву лежалъ
 Ихъ капитанъ... онъ умиралъ.
 Въ груди его едва чернѣли
 Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть
 Сочилась, но высоко грудь
 И трудно подымалась; взоры
 Бродили страшно, онъ шепталъ:
 „Спасите, братцы! — Тащутъ въ горы!
 „Постойте!... гдѣ же генераль?
 „Не слышу...“ Долго онъ шепталъ,
 Но все слабѣй, и понемногу
 Затихъ и — душу отдалъ Богу.
 На ружья опершись, кругомъ
 Стояли усачи сѣдые
 И тихо плакали; потомъ
 Его останки боевые
 Покрыли бережно плащомъ
 И понесли...

Уже затихо все; тѣла
 Изрубленныхъ стащили въ кучу...
 Кровь потекла
 Струей багряной по камнямъ:
 Ея тяжелымъ испареньемъ
 Былъ полонъ воздухъ; генераль
 Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
 И донесеня принималъ.
 Окрестный лѣсъ какъ бы въ туманѣ,

Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
 А тамъ вдали — грядой нестройной,
 Но вѣчно гордой и спокойной,
 Тянулись горы... и Казбекъ
 Сверкалъ главой остроконечной.
 И съ грустью тайной и сердечной
 Я думалъ: жалкій человѣкъ!
 Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
 Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
 Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?...
 Галубъ* прервалъ мое мечтанье,
 Ударилъ по плечу — онъ былъ
 Кунакъ мой — я его спросилъ,
 Какъ мѣсту этому названье?
 Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Валерикъ.
 „А перевестъ на вашъ языкъ,
 „Такъ будетъ — рѣка смерти; вѣрно,
 „Дано старинными людьми!“
 А сколько ихъ дралось, примѣрно,
 Сегодня? — „Тысячь до семи.“
 А много Горцы потеряли?
 „Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?“
 — Да, будетъ, — кто-то тутъ сказалъ,
 Имъ въ память этотъ день кровавый!
 Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
 И головою покачалъ...

Но я боюсь вамъ наскучить.
 Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
 Тревоги дикія войны;
 Свой умъ вы не привыкли мучить
 Тяжелой думой о концѣ;
 На вашемъ молодомъ лицѣ
 Слѣдовъ заботы и печали
 Не отыскать, и вы едва ли

* Собственное имя.

Вблизи когда нибудь видали,
 Какъ умирають... Дай вамъ Богъ
 И не видать! И такъ тревогъ
 Довольно есть, въ самозабвеньи
 Не лучше ль жизни кончить путь,
 И безпробуднымъ сномъ заснуть
 Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте! — Если насъ
 Мой безъискусственный рассказъ
 Развеселить, займетъ хоть малость, —
 Я буду счастливъ; а не такъ...
 Простите мнѣ его, какъ шалость,
 И тихо молвите: чудака!

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕИ.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
 И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
 Поэты въ томъ виновны не совѣмъ
 (Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ.)
 И публика не права, между тѣмъ.
 Кто виновать, кто правъ, ужъ я не знаю,
 А самъ стиховъ давно я не читаю,
 Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
 А такъ: — смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ
 Златое время... въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
 Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ,

Стиховъ я не считаю, но люблю
 Марать шутя бумаги листъ летучій;
 Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
 Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
 И влажныхъ риѣмъ, какъ, на примѣръ, на ю.
 Вотъ почему пишу я эту сказку.
 Ея волшебнo темную завязку
 Не стану я подробно объяснять,
 Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
 За то конецъ не будетъ безъ морали,
 Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ,
 Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
 Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
 Я прежде пѣлъ про демона инова:
 То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.
 Богъ знаетъ, гдѣ заѣтная тетрадка?
 Касается ль душистая перчатка
 Ея листовъ и слышно *c'est joli!*...
 Иль мышъ надъ ней старается въ пыли.
 Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта —
 Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
 За мною въ спальню: розовыя шторы
 Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
 Слѣдить ковра восточные узоры;
 Приятный трепеть вдругъ объемлетъ васъ,
 И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
 Огнемъ въ лицо намъ пышетъ воздухъ сонный
 Вотъ ручка, вотъ плечо, и во все ихъ,
 На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
 Рисуется молодой, но строгій профиль...
 И на негозираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сагана,
 Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,

Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
 Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ, —
 Не знаю. Если бъ имъ была дана
 Земная форма, по рогамъ и платью
 Я могъ бы сволочь различить со знатью.
 Но духъ — извѣстно, что такое духъ:
 Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ;
 И мысль безъ тѣла, — часто въ видахъ разныхъ
 (Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ).

Но я не такъ всегда воображалъ
 Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
 Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
 Могучій образъ; — межъ иныхъ видѣній,
 Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
 Такой волшебной-сладкой красотой,
 Что было страшно... И душа тоскою
 Сжималася — и этотъ дикій бредъ
 Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
 Но я, разставшись съ прочими мечтами,
 И отъ него отдѣлался — стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
 Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
 Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
 Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
 Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
 Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
 Невиннымъ сномъ былъ тронуть не совсѣмъ онъ —
 Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
 И понималъ ипаче онъ любовь;
 И рѣчь его коварныхъ искушеній
 Была полна: — вѣдь онъ не даромъ геній!

„Не знаешь ты, кто я но, ужъ давно
 Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
 Неслышно говорю съ тобою; но
 Слова мои какъ тѣнь проходятъ мимо

Ребяческаго сердца, и оно
 Дивится имъ спокойно и въ молчанѣ.
 Пускай! Зачѣмъ тебѣ мое названье?
 Ты съ ужасомъ отвергнула бѣ мою
 Безумную любовь. Но я люблю
 По своему: терпѣть и ждать могу я;
 Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцалуя.

„Когда ты спишь, о ангелъ мой земной!
 И шибко бьется дѣвственною кровью
 Младая грудь подъ грезю ночной,
 Знай, это я, склонившись къ изголовью,
 Любуюся и говорю съ тобой;
 И, въ тишинѣ, наставникъ твой случайный,
 Чудесныя рассказываю тайны...
 А много было взору моему
 Доступно и понятно, потому,
 Что узами земными я не связанъ
 И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...“

„Тому назадъ еще немного лѣтъ,
 Я пролеталъ надъ сонною столицей;
 Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
 Румяный западъ съ новою денницей
 На сѣверѣ сливались, — какъ привѣтъ
 Свиданія съ моленіемъ разлуки;
 Надъ городомъ таинственные звуки,
 Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
 Неясно раздавались — и Нева,
 Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
 Журча, съ волной ихъ уносила въ море.“

„Задумчиво столбы дворцовъ вѣмыхъ
 По берегамъ тѣснились какъ тѣни,
 И въ пѣнѣ водъ — гранитныхъ крылецъ ихъ
 Кунались широкія ступени;
 Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
 Волна слѣды смышала роковые.“

И улыбались звѣзды голубыя,
 Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
 Какъ будто мѣръ достоинъ ихъ любви,
 Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
 И я тогда... я улыбнулся тоже.

„И я кругомъ глубокой кинулъ взглядъ;
 И увидалъ съ невольною отрадой
 Преступный сонъ подъ сѣнюю палатъ,
 Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
 И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
 Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
 Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
 То ликовалъ иль мучился пороки!
 Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
 Въ бреду любви — безстыдное желанье;
 Вездѣ обманъ, безумство, иль страданье!

„Но близъ Невы одинъ старинный домъ
 Казался полнъ священной тишиною.
 Все важностью наслѣдственною въ немъ
 И роскошью дышало вѣковою:
 Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
 Изъ мрамора волнистаго колонны
 Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
 Чугунные, воздушною семьей,
 Межъ нихъ гордились дивною рѣзбой;
 И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ
 Манилъ, пугая взоръ очей нескромныхъ.

„Пора была, боярская пора!
 Тѣснилась знать въ роскошные покои —
 Былая знать минувшаго двора,
 Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
 Музыкой тутъ гремѣли вечера,
 Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
 Напудренный мелкалъ и вился локопъ,
 И часто вожжа съ краснымъ каблучкомъ

Давала знакъ условный подь столомъ;
И старики въ звѣздахъ и брилліантахъ;
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ.

„Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
Забытые, тускнѣли: поросли
Дворы травой, и блескъ смѣнивъ бывалый,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ —
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новой вѣкъ и нравы.

„Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ, ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда томимый
Бессонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ, или читалъ Вольтера.
Какъ быть! — сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра...
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

„Всегда одна, запугана отцомъ
И Англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ блѣдный ивѣтъ подсиѣженный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна —

И вдалекѣ мечты ея блуждали,
Пока ее играть не посылали.

„Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то странно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. — Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ;
То загремить, то снова тише, тише...
(То были тѣни предковъ, или мыши).

„И чтó жъ? — она привыкла толковать
По своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ бѣдною головкой, и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслуживать, невинной груди трепетъ
Слѣдить, ея дыханіемъ съ нею,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью уживаться... это было
Смѣшно, — но мнѣ такъ ново и такъ мило!

„Влюбился я. И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша
Рафаэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особаго, казалось, выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая рано надежду, радость, горе —
И было темно въ вихрь, какъ въ синемъ морѣ

„Я понялъ, что душа ея была
 Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
 Для мукъ и счастья, для добра и зла
 Въ нихъ нищи много; только невозвратно
 Онѣ идутъ, куда ихъ повела
 Случайность, безъ раскаянья, утрековъ
 И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
 Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
 Такія души я любилъ давно
 Отыскивать по свѣту на свободѣ:
 Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!

„Ее смущали страшныя мечты.
 Порой, она, среди пустаго зала,
 Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
 Толпу гостей и шумъ воображала;
 Кипѣла кровь отъ душевной тѣсноты.
 На платьицѣ чудесныя узоры
 Видѣлись ей — и вотъ гремѣли шпоры:
 Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
 И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
 И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
 И, утомясь, на кресла упала...

„И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
 И выставивъ едва примѣтно пожку,
 Двусмысленный и темный разговоръ
 Съ нимъ завести старалась понемножку.
 Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
 А иногда и черезчуръ небреженъ;
 Но подъ конецъ за то какъ милъ и нѣженъ!...
 Чтò дѣлать ей? Притворно строгій взглядъ
 Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
 И сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
 И по устамъ змѣлилася улыбка.

„Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
 То волосы приглядитъ, то красивый

Цвѣтокъ пришилдитъ къ нимъ; движенью глазъ,
 Головкѣ наклоненной видѣ лѣнивой
 Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ.
 Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
 Но умъ ея и смѣтливый и здравый
 Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
 Такъ годы шли безмолвной чередой,
 И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
 Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.

„То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
 Все, чтó досель таилось за рѣшоткой,
 Теперь надменно явится на свѣтъ!
 Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
 И съѣхались родные на совѣтъ:
 Ихъ затруднялъ удачный выборъ бала.
 Чтó, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
 Застѣнчивость дикарки молодой;
 Но очень тонко замѣталъ другой,
 Что это видѣ ей дастъ оригинальный.
 Потомъ нарядъ осматривали бальный.

„Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
 Она съ утра была какъ въ лихорадкѣ;
 Поплакала немножко, золотой
 Браслетъ сломала; въ сустахъ, перчатки
 Разорвала. Со страхомъ и тоской
 Она въ карету сѣла, и дорóгой
 Была полна мучительной тревогой,
 И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
 И съ блѣдностью печальной на лицѣ
 Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
 Ея явленье: — свѣтъ ее замѣтилъ.

„Кипѣлъ, сиялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
 Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
 Не я ему название это далъ,
 Хотя смыслъ глубокий есть въ названьи этомъ.

Своихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
 Улыбки, лица лгали такъ искусно,
 Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
 Прислушаться хотѣлъ я; но едва
 Ловилъ мой слухъ летучія слова,
 Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній —
 Эпиграфы неизъдомыхъ твореній!

С О Н Ъ.

Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана,
 Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
 Глубокая еще дымилась рана,
 По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
 Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
 И солнце жгло ихъ желтыя вершины
 И жгло жена, — но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
 Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
 Межъ юныхъ женъ увѣнчанныхъ цвѣтами,
 Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
 Сидѣла тамъ задумчиво одна,
 И въ грустный сонъ душа ея младая
 Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

* Неокончено <http://rcin.org.pl>

И снилась ей долина Дагестана;
 Знакомый тропъ лежалъ въ долинѣ той,
 Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
 И кровь лилась хладѣющей струей...

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
 Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
 Старинная башня стояла,
 Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
 Царица Тамара жила,
 Прекрасна, какъ ангель небесный,
 Какъ демонъ — коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
 Блесталъ огонекъ золотой,
 Кидался онъ путнику въ очи,
 Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары —
 Онъ весь былъ желанье и страсть.
 Въ немъ были всеильныя чары,
 Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
 Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
 Предъ нимъ отворялися двери,
 Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
 Въ парчу и жемчугъ убрана,
 Ждала она гостя. Шипѣли
 Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
 Уста прилипали къ устамъ.
 И страстные, дикіе звуки
 Всю ночь раздавались тамъ, —

Какъ будто въ ту башню пустую
 Сто юношей пылкихъ и жонъ
 Сошлись на свадьбу ночную,
 На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
 Кидало свой лучъ по горамъ :
 Мгновенно и мракъ и молчанье
 Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣсинѣ Дарьяла,
 Гремя, нарушалъ тишину :
 Волна на волну набѣгала,
 Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
 Спѣшили онѣ унести...
 Въ окнѣ тогда чтó-то бѣлѣло,
 Звучало отгуда: „прости!“

И было такъ нѣжно прощанье,
 Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
 Какъ будто восторги свиданья
 И ласки любви обѣщаль...

УТЕСЪ.

Ночевала гучка золотая
 На груди утеса великана.
 Утромъ въ путь она умчалась рано,
 По лазури весело играя;

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
 Стараго утеса. Одиноко
 Онъ стоитъ; задумался глубоко
 И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

* * *

I.

Выхожу одинъ я на дорогу:
 Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
 Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
 И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

II.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
 Спитъ земля въ сѣнѣ голубомъ...
 Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
 Жду ль чего? жалею ли о чемъ?

III.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
 И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
 Я ищу свободы и покоя:
 И бѣ хотѣлъ забыться и заснуть...

IV.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
 И бѣ желать на вѣки тамъ заснуть, —
 Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
 Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.

V.

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
 Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
 Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
 Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
 Слышитъ: „Царевичъ, взгляни на меня!“

Фыркаетъ конь и ушами прыдетъ,
 Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: „Я царская дочь:
Хочешь провести ты съ царвною ночь?“

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловить за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава.

Синія очи любовью горять,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожать.

Мыслить царевичъ: „Добро же постои!“
За косу ловко схватилъ онъ рукой, —

Дѣржить. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молить, и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплыль, товарищей громко зоветъ.

„Эй вы! сходитесь, дикіе друзья;
Гляньте, какъ бьется добыча моя...“

„Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?“

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ, — померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ, чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватають песокъ,
Шепчуть уста непонятный упрекъ...

Бдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго Моря.

У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ зеленяя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молить съ тоскою глубокой.
И такъ говоритъ онъ: „Я блѣдный листочекъ дубовый
„До срока созрѣлъ и я выросъ въ отчизнѣ суровой.

„Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
„Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
„Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изум-
рудныхъ, —
„Не мало я знаю рассказовъ мудреныхъ и чудныхъ.“

— На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
 Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
 По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
 И корни мои умываетъ покорное море. —

* * *

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
 Не для меня красы твоей блистанье, —
 Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
 И молодость погибшую мою.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
 Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
 Тайнственнымъ я занятъ разговоромъ,
 Но не съ тобой, — я съ сердцемъ говорю

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
 Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
 Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
 Въ глазахъ — огонь угаснувшихъ очей.

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ какъ Вѣчный Судія
 Миѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
 Въ очахъ людей читаю я
 Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
 И правды чистыя ученья:
 Въ меня всё ближніе мои
 Бросали бѣшено каменя.

Посыпалъ пепломъ я главу,
 Изъ городѣвъ бѣжалъ я нищій, —
 И вотъ, въ пустынѣ я живу,
 Какъ птицы — даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
 Миѣ тварь покорна тамъ земная,
 И звѣзды слушаютъ меня,
 Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
 Я пробиваюсь торопливо,
 Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
 Съ улыбкою самолюбивой:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
 Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
 Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
 Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите жъ, дѣти, на него,
 Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
 Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
 Какъ презираютъ всѣ его!"

СВИДАНІЕ.

I.

Ужъ за горой дремучею
 Погасъ вечерній лучъ,
 Едва струей гремучею
 Сверкастъ жаркій ключъ;
 Сады благоуханіемъ
 Наполнились живымъ;
 Тифлисъ объятъ молчаніемъ,
 Въ ущельи мгла и дымъ;
 Летаютъ сны мучители
 Надъ грѣшными людьми,
 И ангелы хранители
 Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

II.

Тамъ, за твѣдиной старою,
 На сумрачной горѣ,
 Подъ свѣжею чинарою
 Лежу я на коврѣ, —
 Лежу одинъ и думаю:
 Ужели не во снѣ

Свиданье, въ ночь угрюмую,
 Назначила ты мнѣ?
 И въ этотъ часъ таинственный,
 Но сладкій для любви,
 Тебя, мой другъ единственный,
 Зовутъ мечты мои.

III.

Внизу огни дозорные
 Лишь на мосту горять,
 И колокольни черныя
 Какъ сторожи стоятъ;
 И постуны несмѣлою
 Изъ бань, со всѣхъ сторонъ,
 Выходятъ цѣною бѣлою
 Четы грузинскихъ жонъ;
 Вотъ улыщей пустынною
 Бредутъ, едва скользя...
 Но подъ чадрою длинною
 Тебя узнать нельзя!

IV.

Твой домикъ съ крышей гладкою
 Мнѣ видѣнь вдалекѣ,
 Крыльцо съ ступеню шаткою
 Кунается въ рѣкѣ.
 Среди прохлады, вѣющей
 Надъ синею Курой,
 Онъ сѣтью зеленѣющей
 Окутанъ плющевой.
 За тополью высокою
 Я вижу тамъ окно...
 Но свѣчкой одинокою
 Не свѣтится оно!

V.

Я жду. Въ недоумѣннѣи
 Напрасно бродить взоръ;
 Кинжаломъ въ нетерпѣннѣи
 Изрѣзалъ я коверъ.
 Я жду съ тоской безплодною;
 Мнѣ грустно, тяжело ..
 Вотъ сыростью холодною
 Съ востока понесло;
 Краснѣютъ за туманами
 Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
 Выходятъ съ караванами
 Изъ города кунцы...

VI.

Прочь, прочь, слеза позорная!
 Кипи, душа моя!
 Твоя измѣна черная
 Понятна мнѣ, змѣя!
 Я знаю, чѣмъ утѣшенный,
 По звонкой мостовой
 Вчера сказалъ, какъ бѣшенный,
 Татаринъ молодой.
 Недаромъ онъ красуется
 Передъ твоимъ окномъ,
 И твой отецъ любитъ
 Персидскимъ жеребцѣмъ!

VII.

Возьму винтовку длинную,
 Пойду я изъ воротъ!
 Тамъ, подъ скалою пустынною
 Есть уквѣй поворотъ.

До полдня за могильною
 Часовней подожду,
 И на дорогу пыльную
 Винтовку наведу.
 Напрасно грудь колыхнется!
 Я легъ между камней...
 Чу! близкій топотъ слышится...
 А! это ты, злодѣй!

СПОРЪ.

Какъ-то разъ, передъ толною
 Соплеменныхъ горъ,
 У Казбека съ Шатъ-горою
 Былъ великій споръ.
 „Берегись!“ сказалъ Казбеку
 Сѣдовласый Шатъ:
 „Покорился человѣку
 Ты не даромъ, братъ!
 Онъ настроитъ дымныхъ келій
 По уступамъ горъ,
 Въ глубинѣ твоихъ ущелій
 Загремитъ топоръ;
 И желѣзная лопата
 Въ каменную грудь,
 Добывая мѣдь и злато,
 Врѣжетъ страшный путь.
 Ужъ проходятъ караваны
 Черезъ тѣ скалы,

Гдѣ носились лишь туманы,
 Да цари-орлы.
 Люди хитры! Хотя и труденъ
 Первый былъ скачокъ —
 Берегитесь! многолюденъ
 И могучъ Востокъ!“
 — Не боюсь я Востока!
 Отвѣчалъ Казбекъ:
 Родъ людской тамъ спитъ глубоко
 Ужъ девятый вѣкъ.
 Посмотри: въ тѣни чинары,
 Пѣну сладкихъ винь
 На узорные шальвары
 Сонный льетъ грузинъ;
 И, склонясь въ дыму кальяна
 На цвѣтной диванъ,
 У жемчужнаго фантана
 Дремлетъ Тегеранъ.
 Вотъ у ногъ Ерусалима,
 Богомъ сожжена,
 Безглагольна, недвижима
 Мертвая страна;
 Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
 Моетъ желтый Ниль
 Раскаленные ступени
 Царственныхъ могилъ.
 Бедуинъ забылъ наѣзды
 Для цвѣтныхъ шатровъ,
 И поетъ, считая звѣзды,
 Про дѣла отцовъ
 Все, что здѣсь доступно оку,
 Спитъ покой цѣня —
 Нѣтъ не дряхлому Востоку
 Покорить меня!

— „Не хвались еще заранѣ!“
 Молвилъ старый Шатъ:

„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, брать!“ —

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущонъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣнѣ
Смотрить, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамѣны,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генеральъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно — медленны какъ тучи
Прямо на Востокъ.

И, томимъ злобѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,

Сталь считать Казбекъ угрюмый,
 И не счелъ враговъ.
 Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
 Племя горъ своихъ,
 Шапку на брови надвинулъ —
 И навѣкъ затихъ.

* * *

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
 Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятежной;
 Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
 И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
 Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьи
 И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
 И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье, —
 Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

.

НАУМБУРГЪ,
 въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
 Druck von G. Pätz.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

	Стр.
1831.	
Ангель	3
1829 — 1834.	
Демонъ	5
1836.	
Русалка	47
Вѣтка Палестины	49
Еврейская мелодія	50
Въ Альбомъ	51
1837.	
На смерть Пушкина	52
Пѣсня	55
Бородино	70
Узникъ	74
Молитва	75
Сосѣдъ	76
1838.	
Дума	78

1839.

Молитва	80
Три Пальмы	81
Дары Терека	83
Не вѣрь себѣ	86
Памяти А. И. О — го	87
Мцыри	90

1840.

Первое Января	114
Кавачья колыбельная пѣсня	116
Журналистъ, читатель и писатель	118
Воздушный корабль	124
И скучно и грустно	126
Ребенку	127
Отъ чего	128
Благодарность	129
Изъ Гёте	129
Тучи	130
Сосна	130
На свѣтскія цѣни	131
Любовь мертвеца	132

1841.

Есть рѣчи, значенье	134
Завѣщаніе	135
Оправданіе	136
Родина	137
Послѣднее новоселье	138
Книжкаль	141
Плѣнный рыцарь	142
Парусь	143
Желаніе	143
Сосѣдка	144
Договоръ	146

	Стр.
Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою	147
Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски . . .	147
Не плачь, не плачь, мое дитя	148
Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима	149
Казбеку	150
Видь горь изъ стеней Козлова	154
Бѣглець	155
Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный	159
На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣль .	160
Валерикъ	161
Сказка для дѣтей	168
Сойъ	177
Тамара	178
Утесъ	180
Выхожу одинъ я на дорогу	180
Морская царица	181
Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой .	183
Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю	184
Пророкъ	185
Свиданіе	186
Споръ	189
Они любили другъ друга такъ долго и нежно .	192

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

F

24.088

1-2